
Ольга Арунд
Запретная
адептка
для генерала драконов

Ольга Арунд

Запретная адептка для генерала драконов

https://litres.ru/74908229
SelfPub; 2026

Аннотация

Он - властный и опасный генерал драконов. Он привык получать всё, чего захочет.

Я - сирота из академии высшей знати, меятающая вылечить брата.

Мы не должны были встретиться, но у судьбы свои планы. Ведь боевые драконы не сдаются, когда слышат "Нет", а этот самый упёртый из всех.

И, как назло, он должен провести в академии весь следующий год.

Но меня бы это не волновало, если бы... подождите, а это что ещё такое?

- Какая крошка мне попалась! - раздался у уха горячий шёпот. - Развлечёмся?

- Уберите руки!

- Не бойся, не обижу. Или предпочитаешь, чтобы я заплатил?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	52
Глава 6	62
Глава 7	76
Глава 8	89
Глава 9	99
Глава 10	109
Глава 11	120
Глава 12	128
Глава 13	138
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Ольга Арунд
Запретная адептка для генерала драконов

Глава 1

Дышать. Только дышать.

В конце концов, сама виновата. Знала, чем грозит поступление в академию высшей знати Иринира.

Вдох. Выдох.

Надеялась выжить? Думала справиться?

Злые слёзы всё-таки побежали по щекам двумя солёными дорожками, пока я кралась по ночной академии в сторону душевых.

А всё потому, что мои тяжёлые, длинные и блестящие локоны превратились в ничто. Даже хуже, чем в ничто — в склеенный, неровно обрезанный комок.

Тише, тише. Уже всё. Смысл лить слёзы, если всё уже свершилось.

Святые! А я ведь всего лишь училась. Действительно училась, пока эти драконьи дочки развлекались, веселились и срывали лекции.

Никого не трогала, в их компанию не лезла, а всё равно оказалась крайней.

Почему?

Да ладно, как будто я не знала, за что меня невзлюбили с первого курса! Сирота, нищая, ещё и с работой в городе, а всё туда же. В отличницы метит.

Как будто у меня был выбор.

А и ладно.

Хотели меня уязвить? Опозорить? Устроить так, чтобы я в аудиториях боялась показываться?

Не дождутся!

Что бы ни было, как бы они не измывались, я всё равно добьюсь своего. Выучусь, прочитаю всю, лучшую в Иринире, библиотеку и вылечу Никоса, чего бы это мне ни стоило. Ведь только брат у меня и остался. Он и знания, которые уж точно не зависят от красивой причёски.

Вот только густой гривы всё равно жаль до слёз.

Поэтому я и кралась по академии после комендантского часа, надеясь хоть что-то исправить в том кошмаре, в который превратились мои волосы.

Вот она — цена за ошибку, пусть даже та единственная за пять лет.

Коснувшись насмерть склеенного колтуна вместо волос, судорожно вздохнула. До душевых оставалось немного, каких-то полкоридора.

Вот только я не обманывала себя. Поэтому, завёрнутые в полотенце, несла с собой ещё и ножницы.

Я не могу позволить себе пропускать занятия.

Два пропуска, и меня снимут со стипендии и отчислят.

Три неудовлетворительных оценки — и результат будет тем же.

Одна ссора с любым из высокородных студентов академии… думаю, и так понятно, чем всё закончится.

Поэтому я училась. Всегда тихо, незаметно, только на задних партах. Обжигая руки старыми котлами, которые давали на лекциях, если не было своего. Отвечая только, когда у преподавателей не оставалось выбора, и они обращали на меня внимание.

Не высовываясь, даже если Барба Гривас "случайно" выливала на меня суп или обжигающе горячий отвар.

Слишком много всего стояло на кону. И, главное, жизнь Никоса, ради которой я готова терпеть ещё и не такое.

Мой любимый брат, единственный родной человек во всём Иринире. Часть меня, моя душа. Как-то он упал на ровном месте и больше не встал. В тот год ему исполнилось шесть, только произошло это семь лет назад.

И с тех пор я ищу любой способ, чтобы вылечить болезнь, которую не знает ни один лекарь в Иринире.

Невозможно? А вот и нет. Я упёртая, а лучшая в королевстве библиотека, которая находилась здесь, в библиотеке высшей знати, мне в этом поможет. Не будь я Алека Кацарос!

До дверей душевых оставались каких-то пару саженей по тёмному, освещённому только лунным светом, коридору.

В этот момент я решилась. Если не смогу вымыть из волос эту гадость — обрежу. И будь что будет. В конце концов, в академическом уставе не было и намёка на то, то нельзя быть лысой. Или посещать лекции в головном уборе.

А раз я не нарушала правил, то и выгнать меня не могли. А к насмешкам и презрению других студентов я давно

привыкла. Нарастила броню, в которой не осталось ни единого слабого места. А то, что не могла стерпеть, запрятала так глубоко, что никто и никогда…

— Какая крошка мне попалась! — раздался у уха горячий шёпот. — Развлечёмся?

Сильные, уверенные руки скользнули на талию, притягивая спиной к чужой груди. Недолго думая, они же спустились ниже, смяли подол форменной юбки.

А у меня крик застрял в лёгких.

Нет, я знала, что бывало всякое: высокородные студентки из лучших драконьих родов редко доучивались до диплома, предпочитая выйти за какого-нибудь богача своего круга. А единицы, которые поступили по стипендии, часто не выдерживали издевательств и либо уходили из академии, либо, кто посимпатичнее, соглашались на предложение "второй семьи" с полным обеспечением.

Но мной-то ведь никогда и никто не интересовался! Меня даже не видели, не замечали. Разве что такие, как Гривас, с желанием поиздеваться над сироткой.

Но вот так…

Прижатая к мощному мужскому телу, судорожно вздохнула, крепче сжимая в руках полотенце.

— Не бойся, не обижу, — хмыкнули в ухо.

А у меня вдруг появились мурашки. Они зародились в месте, где мужчина легко оцарапал щетиной шею, и разбежались по рукам, внося ещё больший сумбур в мою растерян-

ность.

— Или предпочитаешь, чтобы я заплатил?

А вот это уже слишком.

— Уберите… руки.

Грубое “лапы” проглотила. Судя по металлическим нашивкам и кожаному доспеху, наглец был кем-то из высшей знати. Драконом, за одно оскорбление которого полагалось трое суток темницы.

А у меня нет столько времени. Завтра лекции с самого утра, а два пропуска…

Поняла, что повторяюсь и оборвала сама себя.

— Я не хочу и не согласна ни на одно ваше предложение.

Чтоб тебя блохи сожрали!

И кто додумался строить зал для перемещений рядом с душевыми! Неужели нельзя было поднять его на вершины какой-нибудь из многих башен, чтобы драконы не пересекались с такими, как я.

А то, что он только что переместился в академию, я понимала по едва ощутимому запаху серы и ещё не остывшему металлу на доспехах.

Воин? Боевой маг?

Кого Лукавый принёс в академию на ночь глядя? Разве что у его величества какое-то срочное поручение к ректору. Во всех остальных случаях дела могли и подождать.

— А если подумать?

Хуже только то, что наглые лапы дракона вызывали во мне

какой-то странный трепет, которого я не чувствовала раньше. И это ещё больше раздражало и так взвинченную меня.

Знала бы, что сегодня выдастся такой неудачный вечер, из комнаты бы не вышла!

Вдруг пальцы наткнулись на что-то холодное, а меня осенило.

Ножницы!

— А это что за гадость? Академические розыгрыши? — вдруг усмехнулся дракон.

И за мгновение до того, как я развернулась, чтобы ударить его хоть куда-то, шепнул заклинание. Меня на миг окутало серебристое свечение — признак мага высшей ступени силы.

И только это заставило остановиться, глядя в пронзительные, цвета расплавленного серебра, глаза наглеца.

Святые! Да он раздавит меня как букашку, если только заподозрит в том, что я собиралась сделать. И трижды плевать, что кожаный доспех не пропустил бы даже острый кинжал, не говоря о тупых ножницах!

— А это что?

— Н-ничего, — пискнула я, пытаясь спрятать руки за спину.

И так только сильнее прижалась грудью к груди дракона.

В коридоре царила такая темнота, что я не различала лица. Ничего, кроме, отражающих свет луны, глаз. Глаз, которые нехорошо прищурились.

Ледяная волна ужаса окатила меня изнутри.

Но никто из нас не успел ничего сделать.

— Инир? Вы здесь? — в начале коридора послышался громкий голос, а по стенам заплясали факелы.

Дракон замешкался, а мне только это и надо было.

Подхватив вещи, я развернулась и метнулась за ближайший выступ в стене.

— Инир?

— Здесь, — ответил низким, хрипловатым голосом наглый дракон.

А во мне словно загудела какая-то струна, о существовании которой я раньше не знала.

— Ох, а мы уже вас потеряли. Идёмте скорее. Ректор вас ждёт.

По голосу узнала проректора Стефа Тракса. Выходило, гость и правда важный, раз он вышел встречать его сам.

— Ну, раз ждёт…

Я не видела даже фигуры ночного гостя. Только большую тень и неяркие отблески металлических вставок от света факела.

Затаила дыхание, боясь, что дракон для начала решит найти наглую девчонку, а только потом навестить ректора.

Пальцы задрожали, когда тень увеличилась, а я услышала приближающиеся шаги.

Святые, спасите и помогите! Или вылечите Никоса, чтобы я со спокойной душой могла идти хоть в тюрьму, хоть сразу на плаху.

Но, видимо, это было слишком большим желанием. Отвести меня от беды в виде дракона оказалось проще.

Потому что шаги на мгновение застыли в каком-то локте от меня.

— Инир? Всё в порядке? — недоумевал Тракс.

— В полном, — отозвался насмешливый голос и пояснил: — Крысы.

А потом быстрым, резким шагом последовал в начало коридора.

— Крысы? — удивился проректор. — Никогда не замечали. Я прослежу, чтобы…

Голоса затихали, а я боролась с яростной краской, бросившейся мне в лицо.

Крысы? Ах ты наглый, вшивый…

Фух.

До боли в пальцах сжав полотенце, расслабила мышцы.

Не моё дело. Меня не должно интересовать мнение этого дракона о своей персоне так же, как и мнение окружающих.

В конце концов, на дураков не обижаются. Тем более, я действительно все пять лет вела себя как мышь — тихо и незаметно.

“Но мышь — не крыса”, — подначивал предательский шёпот внутри.

Да пусть хоть Лукавым обзовёт. Всё равно утром его здесь уже не будет, не та порода, чтобы надолго задерживаться в скучных и унылых учебных заведениях.

Судя по повадкам, ему подавай девиц посговорчивее, еды повкуснее и комнат пошикарнее. А у нас даже ректор жил в скромных, по мнению высшей знати, комнатах.

Нет. Не хватит его до утра. Никто бы не остался, умея, как драконы перемещаться в пространстве.

Хватит одного желания, чтобы переместиться куда-нибудь в королевский дворец или любой другой, богатый и шикарный дом.

Ну и Святые с ним!

Тряхнув головой, прошмыгнула последние две двери и, наконец, оказалась в душевых.

Хорошо, что они не пользовались популярностью. У большинства студентов в комнатах на одного и двоих были свои ванные. Не повезло только таким, как я — тем, кто учился по стипендии или стоял в самом низу иерархической лестницы Иринира. Им попадались самые холодные и мрачные спальни.

Вот только и они гораздо лучше жизни на улице, без крыши над головой.

А уж у меня была возможность сравнить.

Спорю, этот наглый дракон и не подозревал о том, что в спальне может не быть ванной.

Ехидно фыркнула.

Наверняка. Вопрос только, почему я столько думаю о неизвестном хаме?

Всё. Больше ни слова о нём, его ужасном воспитании и

повадках распускать руки!

Оглянувшись, убедилась, что все своеобразные кабинки, отгороженные тканевым полотном, свободны. И только тогда с облегчением выдохнула и подошла к зеркалу.

Но увидела совсем не то, что ожидала.

Глава 2

Я… я…

Как это?

Что это?

Это он?

Не веря своим глазам, перебирала гладкие, длинные пряди. Они, как обычно, лежали на плечах густой волной без намёка на шутку Барбы. Хотя, справедливости ради, я не видела, что это она. Я, вообще, ничего не видела.

И да, глупо было засыпать в библиотеке, но после трёх бессонных ночей я просто не выдержала. Думала, дам глазам отдых. Всего на пять минут.

А проснулась уже такой — с намертво слипшейся причёской, от которой осталось одно страшное воспоминание.

“А это что за гадость? Академические розыгрыши?”, — вдруг вспомнился низкий голос инира.

Столкнулась взглядами со своим отражением.

Наглый дракон спас мои волосы. Инир — значит, кто-то из высшей знати.

Спас. Меня.

Зачем?

Неприятно было руки распускать?

Впрочем, какими бы мотивами ни руководствовался инир, он заслуживал благодарности. Моей уж точно. И я го-

това наплевать даже на то, что он напугал и вёл себя как последний пьяница с Тёмной улицы, а не как благородный инир.

Хотя… как раз с этим можно поспорить. Иные иниры ведут себя гораздо хуже последних отбросов, живущих на улице. На что, а на это я насмотрелась.

Впрочем, нет никакого смысла думать об этом. Инир здесь не задержится и слава Святым. Лучше я останусь сожалеть о неслучившейся благодарности, чем снова встречу острый, пронзительный взгляд стальных глаз, который словно переворачивал что-то внутри меня.

Почесав запястье, снова посмотрела на себя в зеркало.

Чтобы я ещё хоть раз…

Фух. Никакого сна в библиотеке! Даже если я не двое суток, а неделю проработаю у Актеона в лавке, разбирая новые поступления товара. И ещё половину буду готовиться к теории магии.

Никакого. Сна. В. Библиотеке.

Чувствуя, что приняла правильное решение, я всё-таки сходила в душ. Волосы промывала с особой тщательностью, но ни следа клея и колтунов не нашла. Инир знал какое-то чудесное заклинание, которое нам не преподавали, и, если честно, я бы хотела его знать.

Возможно, оно помогло бы Никосу чувствовать себя лучше. Знать, что ему не надо ждать, пока я смогу вырваться из академии, чтобы помочь его помыть. У него ведь были ма-

гические способности, как и у меня. И я потихоньку учила его основам.

Но времени на это оставалось слишком мало.

Подхватив полотенце, тем же путём отправилась к себе. Вела себя вдвое осторожнее, но в пустынных коридорах никого не было: ни Барбы с компанией, ни инира, возвращающегося к залу перемещений.

И слава Святым.

Можно выдохнуть и отдохнуть хотя бы пару оставшихся до подъёма часов. А там снова лекции, домашние задания и смена у Актеона — единственного лекаря, который принял в своей лавке сироту. Не побоялся, что я украду, обману или, того хуже, нападу на самого хозяина.

Впрочем, возможно, прижимистый Актеон просто слишком хорошо защищал себя и свой товар. Поэтому и не боялся. Не зря же каждый раз, как я протирала полки с пробирками от пыли, вокруг сгущалась и трещала магия, казалось, наблюдая за каждым моим движением.

Кровать встретила меня влажным матрасом, которому не помогало уже ни одно заклинание сушки. Поэтому я бросила на него покрывало, юркнула под тонкое одеяло и уснула быстрее, чем смежила веки.

Чтобы утром проснуться от тяжёлого звона, пронёсшегося по академии высшей знати.

Нам играли подъём, первый из трёх. И, в отличие от большинства адептов, я не позволяла себе валяться до послед-

него. Чтобы собраться, надо было пробежаться по холодной академии до душевых, привести себя в порядок, примчаться обратно и прийти в столовую к открытию дверей.

Мой ежедневный порядок, чтобы не столкнуться внутри или, того хуже, в дверях с кем-то из тех, кто считал меня грязью у себя под ногами. Мне хватило отравленных пирожков, подсыпанной отравы и прочей академической прелести, на которую не скупились иниры и инэры.

Ведь только ректор Бакирт считал, что в академии все равны. Он и учредил стипендию для талантливых сирот, одного на группу, хотя даже преподаватели видели, что идея, может, и неплохая, но пропащая.

Высокомерные дочки и сыновья сиятельных драконов не принимали нас и принимать не собирались. И я в списке главных неудачников академии стояла на первом месте.

Потому что они хотели страха, а получали вежливость.

Облили кипятком? Ах, как вы неаккуратны, инир. Не страшно, в лазарете прекрасные мази.

Склеили записи в сумке? Какое невезение. Наверное, на зельях что-то опрокинулось.

Попытались столкнуть с лестницы? Здесь так много адептов, немудрено, что ноги путаются.

К концу второго курса измываться надо мной не надоело только Барбе. Дочь советника короля, она считала себя королевой академии и вела себя соответствующе. Красивая, холёная, всегда в новом наряде и перстнях — неудивитель-

но, что я оскорбляла её вкус одним своим присутствием.

Для неё неудивительно. В то время как я хотела только одного — изучить всю, лучшую в Инире, библиотеку, чтобы добраться до знаний, которые могли помочь Никосу.

Впрочем, в этом году угомонилась и Барба. Смотрела на меня как на пустое место, но не трогала. Так и жили в атмосфере холодной войны до вчерашнего случая.

Ох. Хорошо, что всё хорошо закончилось.

Ведь как бы я ни говорила, что не обращаю внимания на свою внешность, остаться без волос не хотел бы никто.

Впрочем, надо было торопиться, поэтому я скрутила волосы в тугую ракушку на затылке, зная, что долго они всё равно не продержаться, и помчалась сначала в столовую, а потом в аудиторию.

Там же заняла самый дальний стол, разложила бумагу и карандаш и стала ждать.

Казалось, сегодня адепты особенно не торопились на занятия. За минуту до звонка в аудитории насчитывалась едва ли половина группы. Но удивительнее всего стало, что и преподаватель не появился — ни со звонком, ни даже через четверть часа после.

Что говорить, если даже Барба ворвалась в аудиторию, равнодушно извинилась и только потом поняла, что не перед кем.

— Так слухи правда? — удивилась Айола Беллт, склоняясь к Барбе. — Историк и правда того?

— Исчез или умер? — раздался наглый голос с парты позади них.

Там, развалившись, сидел Зен Доллас, который активнее всех ухаживал за Барбой.

— Вышел, — лениво отозвалась звезда группы. — Говорят, его видели два дня назад. Старый дурак садился в карету и уехал по направлению к столице.

— Так мы свободны?

Адепты оживились. Я сидела позади всех и видела, как они шушукались, собирались группками, сидели на столах и смеялись шуткам. Преподавателя не было, но уйти никто не рискнул. Так же, как не рисковал в открытую заявлять ректору о том, что им положено всё и даже немножко больше.

Слишком большое влияние имел ректор Бакирт на короля. Кажется, даже был его другом.

А против его величества не пойдёт даже такая, как Барба.

— Так и будем сидеть? — пронырл кто-то, чей голос я не распознала.

— Можете встать, — раздался вдруг голос, от которого меня подбросило на скамье.

Барба ахнула, Айола изобразила обморок, Зен выругался. Группа вдруг притихла, и на аудиторию опустилась мёртвая тишина.

Иниры и инэры точно знали кто перед ними и… боялись?

Не знаю.

Потому что всё, что я видела — это суровые глаза цвета

расплавленного серебра.

И смотрели они прямо на меня.

— Крошка? И ты здесь?

За день до этого…

— Савриу.

Голос его величества Архилада был холоден и строг. Но уже то, что он встречал меня в одиночестве огромного тронного зала, говорило о многом. Распекать, может, будет, наказывать — точно нет.

— Ваше величество.

Остановился в трёх шагах от тронного возвышения.

Вечер удался на славу, поэтому с гораздо большим удовольствием я сейчас отсыпался бы, но приглашение короля — это то, чему не отказывают даже такие, как я.

— Потомственный боевой маг, прославленный в битвах дракон. Один из самых богатых иниров королевства. Привлекательный внешне, — Архилад бросил недовольный взгляд, — умный. С магией уровня архимага, добытого без особых усилий.

— Мне приятно, что ваше величество так высоко ценит мои заслуги, — склонил голову.

— Заслуги… — повторил Архилад. — А что делать с твоими выходками, Савриу?

С какими именно? Дело требовало уточнений.

— Не понимаю, о чём вы говорите. Как ваш верный подданный…

— Вчера ко мне на аудиенцию ворвался инир Тракас. Знаете такого?

— Посредственно, — пожал плечами.

— А его дочь? — голос короля взлетел от недовольного до откровенно злого.

Дочь? Дочь хороша.

— Не знаю, ваше величество.

— А она утверждает, что вы её соблазнили, убедили сладкими речами о женитьбе и обесчестили!

— Врёт.

А если нет, то кто же верит каждому встречному, будь он трижды иниром.

— Врёт. Что же, может быть. И королевский лекарь врёт. И сам Леон Тракас, утверждая, что вы, Савриу, раскидали всю его охрану, спрыгнули с третьего этажа и скрылись на самых злачных улицах столицы.

— Мало ли кто привидится, спины у всех одинаковы, ваше величество. А у меня сложилась слишком неоднозначная репутация, чтобы не рискнуть приплести к такому делу.

— Савриу! Ты меня за идиота держишь? — Архилад встал и стукнул посохом по полу. — Ты должен быть моей гордостью, лицом Иринира, а вместо этого…

Он оборвал себя сам. Спустился на пару ступеней.

Шапито. Если Тракас планировал привлечь меня к женитьбе на дочери, на которой пробу негде было ставить, то сильно заблуждался. Разве что через мой труп.

— Я слишком долго терпел твои выходки, Савриу. Ты — лучший. твоими стараниями в Иринире покой и благодать, но твоё поведение… Всё. Достаточно. Это была последняя выходка. И ты женишься на девице… уже не девице Тракас, не будь я королём Иринира!

Посох ещё раз ударил о пол.

Жениться? На девице, которая от уличной отличалась только красивыми платьями, да полной шкатулкой драгоценностей?

Святые упаси!

— Ваше величество, а давайте поспорим?

***

Алека

— Крошка? И ты здесь?

Я не просто застыла, покрылась льдом изнутри и снаружи.

Это он мне? Прямо на лекции? На глазах у всей группы и Барбы, которая и так меня ненавидела?

Вот… дракон!

Только надо было что-то ответить. Потому что отвратный инир, с которым я умудрилась познакомиться ночью, не просто сверлил меня весёлым стальным взглядом. Одновременно с этим он поднимался по ступеням аудитории, приближаясь ко мне всё больше.

Святые упаси!

Сделать вид, что это он не мне? Ответить? Да, надо придумать что-то достаточно холодное и убедительное, чтобы у

иниров и инэр даже мысли не возникло, что нас с наглым драконом может связывать что-то, кроме лекций.

Поднявшись, как того требовали правила, сцепила руки перед собой и посмотрела прямо на ухмыляющегося дракона. Между нами оставалось ступеней двадцать.

— Вы меня с кем-то перепутали, инир.

Всем своим существом чувствовала, как из разряда неинтересной заучки переходила в ненавидимую всеми адептку. Опять! И всё из-за дракона, который считался только с собственными желаниями!

— Разве?

Пятнадцать ступеней.

— Ночью ты была сговорчивей. И так благодарила. Когда я помог тебе… с проблемой.

И, гад ползучий, кивнул на мои волосы! Волосы, которые вчера, а адепты точно были в курсе, раз и навсегда испортила Барба Гривас. Только сегодня они выглядели так, словно ничего не было.

Ничего, кроме наглого, хамоватого, самолюбивого дракона!

— Ночью я сплю, чтобы утром быть готовой к любой… пакости.

Голос звучал идеально — в меру твёрдо, в меру уверенно и даже лёгкое недоумение только усиливало эффект слов.

Только кому это, если высокородным адептам плевать на все мои выверты. Они верили иниру, которого знали, и го-

товы были заклеймить меня по одному его слову.

Тем временем инир поднялся, останавливаясь на одну ступень ниже меня. И даже так был выше на полголовы! Хуже того, дракон был привлекателен сильной, мужской красотой: высокий лоб свидетельствовал об уме инира, а чёрные брови вразлёт делали его строгим и жёстким. Прямой нос, невозможные пронзительные глаза и лёгкая щетина, которая ему невероятно шла.

Не будь нашей ночной встречи, я бы подумала, что это один из немногих достойных иниров, которые не пользуются своим положением и действительно служат на благо Иринира.

Вот только достойные не унижают тех, кто слабее одним неаккуратным словом.

— Это ты меня назвала пакостью? — поднял бровь дракон.

Адепты в страхе выдохнули. Я ощущала их ужас кожей, но в то же время видела взгляд инира. Он не был оскорблён, он… веселился?

— Я бы не посмела.

Не удержалась, съехидничала. Зря, конечно, но от одной только мысли, как вся академия судачит о произошедшем на лекции, холодело в груди.

Дракон приблизился, наглая рука скользнула мне на талию. И только то, что от остальных адептов нас закрывала широкая спина инира, заставляло меня стоять спокойно.

— Кто знает моё имя?

За спиной инира взметнулся лес рук. Знали все: от восторженно смотрящих адептов, до поправляющих причёски адепток.

— А ты знаешь?

Задохнулась от взгляда, которым одарил меня дракон.

— Нет, инир. Я не знаю.

Напряжение между нами трещало разрядами. Не хватало воздуха, казалось, я вот-вот упаду.

Но рука на талии не позволяла ни отстраниться, ни сделать ещё какую-нибудь глупость.

— Оно и видно, — хмыкнул инир.

А потом всё вдруг закончилось.

Я осталась стоять с глупым выражением на лице, а инир снова оказался на преподавательском месте.

Адепты выдохнули. Кто-то смотрел на меня с недоверием, большинство с ненавистью. Но по факту инир не сделал ничего, что могло бы дать им повод для слухов.

В конце концов, он действительно мог обознаться.

Ага. А я могла быть внебрачной дочерью его величества Архилада.

Тряхнув головой, сбрасывая наваждение, опустилась на скамью. Сердце билось как ненормальное, руки дрожали. Я не могла взять карандаш, он всё время выскальзывал из рук.

Нервно почесала запястье.

Такими темпами скоро мне понадобятся успокаивающие

зелья.

Но инир не дал додумать, врываясь в мои мысли низким, насмешливым голосом.

— Для тех, кто не знает, — взгляд на меня, — меня зовут Ареас Савриу, и я первый генерал его величество Архилада и благословенного Иринира.

Он выдержал паузу, которой мне хватило за глаза.

Ареас Савриу.

Не может быть!

Не может быть, чтобы в академии оказался дракон, лицо которого мелькало в вестниках даже чаще, чем королевское. И не всегда по достойным поводам.

Но зачем он здесь? Какого лешего его потащило в академию, если здесь нет и доли тех развлечений, которыми, по слухам, баловался Савриу? Любимец императора, сильнейший боевой дракон в истории, прославленный, получающий всё по первому слову. Не знающий отказа ни в чём!

И здесь? В академии, чтобы… что?

Но Савриу словно читал мои мысли. Потому что присел на преподавательский стол, обвёл взглядом всех присутствующих.

— И теперь я ваш куратор.

Глава 3

В аудитории разом поднялся гам.

Высокородные адепты лезли из себя, лишь бы привлечь внимание Савриу. А я застыла.

Куратор? Зачем? Это же… да ни у одной группы в академии нет куратора!

Нет, они нам как бы полагались, но по факту ректор не собирался держать нахлебников, которые ничего не делали. И в чём-то я его понимала…

Но Савриу?!

Да только позавчера в Вестнике была его фотография, где прославленный генерал страстно обнимал радостную блондинку. А до этого была брюнетка, а до неё рыжая и…

Понятно же, о чём речь?

Чему Савриу мог нас научить? Как убить на дуэли второго генерала Иринира? Сколько настойки выпить вечером, чтобы утром было хорошо? Где в Ране, столицы Иринира, подают самые вкусные блюда?

Или как с умом, достойным лучшего применения, уходить от одной помолвки за другой? Обтрыкиваясь при этом от обесчещенных девиц.

Святые!

Ректор что, сошёл с ума?

“Или ему просто не оставили выбора”, — вдруг мелькнуло

в голове.

Вряд ли Савриу сам рвался в академию. Значит, его заставили. А кто мог заставить первого генерала королевства, если не сам Архилад?

Невольно хмыкнула.

Другими словами, "великолепный Савриу", как его окрестил Вестник Иринира, находился здесь, потому что не было выбора.

И первым, что сделал, оказавшись в академии — распустил руки, не особо задумываясь, кого поймал.

Высокая мораль! Строгая нравственность!

Впрочем, не моё дело.

— А вы к нам надолго?

Невольно скользнула взглядом по Барбе. Кто радовался назначению Савриу, так это она. Словно ей преподнесли подарок на день рождения с большим красным бантом.

Неужели не слышала о его похождениях? Или считала, что сможет исправить неисправимого? Или ей всё равно?

— До конца года, а там посмотрим. Есть возражения? — поднял бровь Савриу.

Хорош, конечно. С другой стороны — среди боевых драконов и, особенно, генералов, страшным и кривых не было. Может, внешний вид у них включался в отбор?

— Только предложение, — промурлыкала Барба. — Инир Савриу, а вы свободны сегодня вечером? Мне надо подтянуть… историю магию.

Святые.

Как никогда почувствовала себя лишней на этом празднике жизни. Хуже было только в первый день в академии, когда на мою аккуратную, но не новую форму пялились все кому не лень.

Неужели согласится? Судя по оценивающему взгляду, которым Савриу одарил Барбу, он не прочь дополнительных занятий.

Снова почесала запястье. Похоже, на нервной почве у меня развился зуд. Только этого не хватало.

— Это мы обсудим после лекции, — многообещающе обронил Савриу.

А Барба задрала нос и свысока посмотрела на своих подруг.

Смешно. Она всерьёз считает, что до конца года будет единственной, кто сходит к Савриу на… дополнительные занятия?

Цирк, честное слово.

Зен Доллас, до этого дня считающийся кавалером Барбы, что-то зло буркнул соседу по столу.

Блеск. Только подобных интриг и не хватало в нашем тесном коллективе. Впрочем, мне только и надо посетить сегодня все лекции и сделать хотя бы часть заданий. А потом, схватив непроницаемо чёрный плащ, бежать в лекарскую лавку, где я подрабатывала на половину ставки. И, если повезёт, я даже успею к Никосу.

Воспоминание о брате согрело сердце. Ужимки Барбы и странные взгляды Савриу разом потускнели на их фоне.

— Итак, кто знает, как появился Иринир?

Привыкшая, что меня никогда не спрашивали, даже не пыталась тянуть руку.

— Крошка?

Леший.

Не надо было иметь много ума, чтобы понять, к кому обращался Савриу. Вот гад.

— Адептка Алека Кацарос, — сообщила равнодушно и поднялась со своего места. — Есть легенда, что существовала коллекция гримуаров, появившаяся в тот миг, когда зародилась Альтеналия — наш мир, состоящий из восемнадцати государств. И один из таких гримуаров нашёл предок его величества Архилада — Инир. И создал он королевство, и назвал его своим именем.

— И где сейчас этот гримуар? — прищурился Савриу.

Уж что, а это я занал и могла рассказать, даже разбуди меня среди ночи.

— Пропал, когда умер Инир, — пожала плечами. — С тех пор никто и никогда не видел гримуар. Были случаи, когда отдельные магам доставалась волшебная книга в трудный для них и королевства час, но они не подтверждены. И никто не может поручиться, что это был тот самый гримуар.

— И как он называется?

Насколько я знала, это не входило в программу истории

магии, но отказаться отвечать сейчас было всё равно что сдаться на милость Савриу. А этого я точно не допущу.

— У гримуара нет названия, мы даже не знаем, как он выглядел. А магам каждый раз являлся в разном виде — от листа бумаги до объёмного фолианта древних знаний.

— Так, может, это всё глупые сказки?

Чего Савриу добивался? Моего незнания? Или каких-то своих целей?

Моргнув, осознала, что он снова прошёл почти половину пути до меня.

А вот этого не надо.

— Может быть.

— А вы верите в существование гримуара, адептка Алека Кацарос? — Савриу понизил голос, оказавшись в каком-то шаге от меня.

Застыла, осознав, что за пять лет учёбы никто ещё не интересовался моим мнением. Услышала, как Барба тихо скрипит зубами от злости и, видимо, моей мнимой близости к Савриу.

А потом подняла глаза, столкнувшись со стальными глазами куратора. Они странно мерцали, затягивали, предлагая рассмотреть поближе. И я почти поддалась, но в последний момент снова зачесалась рука. Да так сильно, что, будь возможность, я бы расчесала её до крови.

Но вместо этого встряхнулась и посмотрела на Савриу полностью трезвыми глазами.

— Возможно, когда-то он и существовал, но точно был утерян или уничтожен, — ответила твёрдо и без разрешения опустилась на скамью.

Савриу не оставалось ничего другого, кроме как хмыкнуть и переключить внимание на других адептов.

А я выдохнула. Зуд прошёл как по щелчку.

Гримуара не существует? Уничтожен?

Три ха-ха.

Потому что я знала, коллекция всё ещё в нашем мире.

И гримуар Иринира я найду.

Чего бы это ни стоило!

Святые!

Савриу не только вёл историю магии. Казалось, он был сразу везде: в коридорах, в столовой, мелькал во время физподготовки. Я не старалась, но взгляд то и дело выхватывал по-военному мощную фигуру генерала, а теперь и нашего куратора.

Хотя, может, дело в том, что где бы он ни появился, окружающие сразу теряли рассудок. Барба так и вовсе не отходила от Савриу, прилепившись к нему, похоже, навечно. Она висла на его руке, постоянно оказывалась дамой в беде и хлопала большими голубыми глазами.

Зен злился, но, по-видимому, понимал, что Савриу — не тот, с кем стоило связываться из-за несчастной любви.

А ближе к вечеру академия вздрогнула.

Сенсация! Провал генерала или продуманный ход?

Срочный вечерний Вестник Иринира захватил умы всех адептов академии высшей знати.

На обложке красовался, конечно же, Савриу в тёмной с золотом парадной военной форме, а в углу, занимая едва ли одну восьмую места, прилепили фотографию очень красивой брюнетки с несчастными заплаканными глазами.

Что тут началось…

Адептки выхватывали друг у друга Вестник, адепты хмурились, преподаватели и вовсе не появились на ужине. Подозреваю, чтобы избежать расспросов, которые неизбежно последовали бы. А не ответить будущим инирам и инэрам чаще всего себе дороже.

К счастью, я зацепила самый край истерии по генералу — то ли свободному, то ли обязанному жениться на обесчещенной инэре, то ли и вовсе сбежавшего в академии от незапланированной женитьбы. В последнее верилось меньше всего, потому что характер не тот, но кто его знает, что там в голове у высокородного, ударенного властью и вседозволенностью, Савриу.

В любом случае мне было не до этого.

Сделав на завтра половину из заданного, я накинула простой, но плотный и широкий плащ с капюшоном и направилась к выходу из академии.

Покидать ей нам не то чтобы не разрешалось, просто сильно не приветствовалось. Даже адепты с богатыми особняками в центре Рана оставались ночевать в академии. Да и рек-

тор отслеживал тех, кто хотел гулять ночи напролёт, а потом им доставались самые сложные вопросы на экзаменах и дополнительные задания.

Поэтому я никогда не ходила через главные ворота.

Волей Святых ещё в начале первого курса я нашла эту лазейку — банальную дыру в толстенной стене, окружающей академию и прилегающие территории. Запнулась на ровном месте, упала прямо в колючий куст шиповника и увидела пролом.

Небольшой, в него едва ли прошёл бы даже самый мелкий из второкурсников, но мне хватало, чтобы протиснуться и оказаться на воле.

Тем более, после того как несколько ночей подряд я стачивала острые грани обвалившихся камней. Так что вход и выход из академии для меня не были проблемой в любое время.

Вот и сегодня я обошла шиповник, заметно облетевший к концу зимы, чувствуя каждую иголку, протиснулась в пролом и, оказавшись на той стороне, быстро накинула капюшон на голову.

Вечерело. Дни всё ещё были гораздо короче ночей, поэтому я ускорила шаг и вскоре уже торопилась по дороге от академии в столицу. И пусть расстояние было небольшим, но, во-первых, меня ждал Актеон, а во-вторых, чтобы добраться до лекарской лавки, расположенной в купеческом районе Рана, придётся пройти не самую благополучную окраину.

И меньше всего хотелось оказаться там в темноте сгуща-

ющегося вечера.

Нет уж. Лучше я ещё прибавлю шаг, недаром нас так гоняли на физподготовке.

Мысли невольно перескочили на академию, а с неё на Савриу. Вестник, хотя и приукрашивал правду, но откровенно не врал. Особенно в том, что касалось высокородных драконов. Чревато, знаете ли.

Так что Савриу действительно попался, а Кари Тракас, скорее всего, в самом деле настаивала на женитьбе. А вместе с ней и её семья, владеющая одними из самых богатых рудников в Иринире.

А Савриу сбежал. Сбежал? Да ну, не может быть.

Сбежал и сразу же полез с объятиями к первой встречной?

Если так, то страшно представить, чему может научить такой куратор.

Фыркнула и едва не поплатилась за это содранным носом — каблук попал на камень, подломился, и только чудо спасло меня от падения.

Ладно. Хватит о Савриу, даже если он — событие года. Лучше сосредоточусь на сегодняшней работе.

Это помогло. Поэтому в лавку я вошла собранной и готовой провести здесь несколько следующих часов.

— Опаздываешь, — буркнул Актеон с часами в руках.

Высокий и щуплый, он казался старым ворчуном, который не знает, что такое сердце. Но из всех лавок в Ране, что я обошла в поисках любой работы, он стал единственным,

кто принял непонятную сироту.

Да, устроил допрос. Да, всё время ворчал. Но разрешил приходить во второй половине дня, после окончания занятий и изредка даже делился лекарственными травами, которые облегчали боль Никоса.

А то, что дважды в месяц приходилось оставаться в лавке на ночь, чтобы разобрать травы и зелья из новых поставок, так это сущая ерунда, не стоящая даже того, чтобы о ней говорить.

— Прости, пожалуйста, — повинилась. — Дорога плохая, стемнело быстро. Я боялась упасть и осторожничала.

— Сегодня жубана не получишь, — нахмурился Актеон.

Покорно склонила голову, а потом шмыгнула в подсобку.

Жубан — сильное обезболивающее, которое лучше всего помогало Никосу. Только маленький пучок, которого хватало на неделю, стоил как моя месячная стипендия. Поэтому изредка Актеон оставлял для меня на прилавке остатки жубана, которые никуда не пригодились.

И за этого я ценила его как никого. Знала, что он делал это не потому, что ему в действительности некуда было девать дорогое растение.

В подсобке я быстро переоделась в тёмно-зелёный передник, такую же косынку и вышла к прилавку. Покупателей оказалось много: лекари, маги и даже высокородные иниры заходили к Актеону, зная, что здесь не обманут, не подсунут некачественное зелье. И я берегла репутацию Актеона как

могла — улыбалась, помогала, советовала и оставляла в подарок приятные мелочи вроде пучка десятника от сглаза или подушечек с мятой от головной боли.

Все несколько часов, что я работала, только одна мысль не давала покоя. Сожаления, что к Никосу я сегодня точно не успею. Нужно было ещё доработать половину часа, закрыть лавку, укрыть травы и активировать холодильные заклинания для зелий. А потом рассортировать новую поставку по складам, которых у Актеона было три, хотя снаружи лавка выглядела маленькой и где-то даже невзрачной.

Вряд ли я освобожусь раньше утра, а там и на лекции пора.

Грустной улыбнувшись, пересчитала выручку за сегодня и записала в большую пухлую тетрадь. Убедившись, что никого не осталось, закрыла лавку изнутри и повернула едва заметные камни в деревянных косяках — защиту от воров и прочей магической и не очень нечисти.

Актеон давно ушёл домой, за годы моей работы зная, что я всё сделаю как надо. Поэтому я выключила свет в лавке и ушла в настоящую сокровищницу любого лекаря, чтобы пропасть там на несколько следующих часов.

Глава 4

Взять, положить. Взять, положить.

Голова затуманилась, появилась резь в глаза, но у меня оставались ещё две корзины. В одной травы, набранные местными — теми, с кем сотрудничал Актеон. Во второй — ими же приготовленные зелья.

Сам Актеон когда-то учился в академии, но не дошёл до диплома. Поэтому у него не было лицензии лекаря и возможности изготавливать лекарственные и не только зелья.

В отличие от меня. Ведь, закончив третий курс, я считалась почти лекарем и могла подрабатывать даже в лазаретах, возникни у меня такая идея. Собственно, этим я и занималась летом, во время академических каникул.

Но в лазарете брали только на полную смену, а у Актеона я подрабатывала когда могла.

И да, здесь же варила некоторые из простых и быстрых зелий, не требующих особого присмотра. Просто потому, что могла хоть этим отплатить Актеону за доброту.

Взять, положить. Последнее.

Разогнувшись, поднялась с громким стоном. Потянулась, встала на носочки. И с довольным ух выпрямилась.

Оглядела дело рук своих и улыбнулась. Каждая травинка лежала в своей корзинке, каждая колба стояла на своём месте. Ни пылинки, ни лишней соринки на стеллажах — и это

тоже моя заслуга.

Красота.

И, главное, что только здесь, в круговороте дел, я забывала о своих проблемах. Отвлекалась хоть на пару часов, отключала голову, ощущая приятную удовлетворённость от работы руками.

И никакие Барбы не могли достать меня в кладовой. Что ещё надо для счастья?

Подняла голову и взглянула на время. Улыбка сама наползла на губы.

Что надо? Только понять, что у меня есть целый час, в то время как дорога до Никоса займёт жалких десять минут.

Сегодня какой-то очень удачный день.

Если не считать появления Савриу. Впрочем, если бы не он, красоваться бы мне очень короткой стрижкой.

И, кстати, меня до сих пор жжёт, что я его так и не поблагодарила. Хотя его выходка на истории магии…

Фух. Ладно. В конце концов, каждый руководствуется собственными принципами, а мои требовали пойти и сказать хотя бы простое “спасибо”. От меня не убудет, зато совесть перестанет грызть так явно.

Завтра скажу. Наверняка Савриу где-нибудь, да попадётся мне на пути. Главное, чтобы в этот момент на нём не висела Барба и половина женского населения академии, включая преподавателей.

Но даже это принятое решение не испортило настроения.

Увидев на стойке сегодняшний Вестник, перевернула его лицом Савриу вниз и, как и каждый выпуск, пробежала графу объявлений.

Нет, нет и нет. Увы, никакой лёгкой и быстрой работы, вроде приготовления зелья против грызунов или изгнания хворей сегодня не попалось.

Жаль, ведь я отслеживала каждый выпуск Вестника только для этого — найти быструю подработку, из разряда тех, за которые маги не хотели браться сами. Учитывая летнюю работу в лазарете, мне было не привыкать пачкать руки, хотя для многих это казалось чем-то постыдным и позорным.

Для меня позорным был понимающий взгляд Никоса, когда мне не на что было принести ему лекарства, а иногда и еду. К счастью, последний раз я приходила с пустыми руками очень давно, ещё на первом курсе.

Пришлось экстренно зубрить сразу теорию заклинаний и лекарское дело со всеми названиями растений по новому и старому справочникам. Я просто не успела найти денег, а до стипендии было ещё далеко.

Но Никос, мой лучший на свете младший брат только улыбнулся своей невероятно обаятельной улыбкой, похлопал по одеялу рядом с собой и сказал:

— Поспи, пока Элени готовит похлёбку. Я нагрел тебе место.

Помню, как шла к нему, а по лицу катились горькие слёзы. В то мгновение казалось, что я не могу ничего и ничего не

умею. Что лучше бы пошла торговать на базаре или убирать в богатых домах, а не бросала брата ради какой-то учёбы.

Никос казался не младше на пять лет, а старше на десять. У него всегда был очень умный взгляд. Уверена, не откажи у него ноги, он стал бы гораздо умнее меня. Учился бы лучше, блистал везде, куда мог дотянуться.

А вместо этого…

Святые, ну что за глупость!

Судорожно вздохнув, тыльной стороной ладони вытерла слёзы и улыбнулась.

Мы справились. Мы смогли. И дальше будет только лучше.

Я найду гримуар, где спрятаны все тайны Иринира, вылечу Никоса, и мы станем самыми счастливыми на свете.

А пока…

Я тряхнула головой, избавляясь от грустных, никому не нужных мыслей. И, как назло, именно в этот момент мои длинные густые волосы победили заколку и распались волной по плечам и спине.

Прекрасно. Если я начну крутить причёску, то о том, чтобы навестить Никоса, можно смело забыть.

Нет уж. Никто меня ночью не увидит. Спрячу копну волос под плащ, а у Никоса приведу себя в порядок.

Так и решив, я подхватила плащ, завязала капюшон покрепче и открыла чёрный ход из лекарской лавки Актеона. Оглянулась, но не увидела ничего, кроме тёмного, узкого

проулка, куда не доставал свет фонаря.

Отлично. В моём случае чем темнее, тем лучше.

Так что я быстро закрыла дверь, прошептала секретное слово, блокируя её до утра и прихода Актеона, и развернулась, чтобы направиться к Никосу.

Но не тут-то было.

Удачный день, считала я?

— Вот это краля, — беззубой усмешкой одарил один из трёх мужчин, оказавшийся в десяти шагах от меня. — Развлечёмся?

Да что вам всем надо-то. Всем лишь бы развлекаться.

Вот только против воли в сердце пробрался страх.

Я не умею сражаться. Лекарей в академии этому не учили. Да даже на боевом факультете на особо упирались, зная, что никто после него не пойдёт служить. Молодым инирам нужна была красивая запись в дипломе, а дальше в ход шли семейные связи и деньги.

— Пустите, пожалуйста. Я тороплюсь.

Голос ещё звучал твёрдо, я надеялась выйти из ситуации с минимальными потерями.

— Она ещё и торопится. Деловая какая. Слышали, мужики?

Рябой, но мощный, он оглянулся на своих приятелей в поисках поддержки. Те согласно загоготали.

— Инэра прям. Важная. А мы тебе сейчас важности-то поубавим! — противно оскалился он. — Держи её!

Я рванула вперёд. А что ещё было делать, если при мне не было даже накопителей. Да у меня их и сроду не водилось, потому что резерва вполне хватало для учёбы и подработок. А в подобные истории я ни разу не попадала, потому что сначала была слишком маленькой, потом появилась Элени, а потом я поступила в академию.

Собственно, Савриу был первым мужчиной, который коснулся меня не с целью подбодрить или похвалить. Но в тот раз у меня хотя бы были ножницы, а сейчас?

Напугать их развалившейся причёской? Задушить шнурком от ключа к лавке?

На мгновение волна паники захлестнула с головой. Ко мне рванули три д.жих мужчины с вполне понятными намерениями. Они тянули руки и пытались схватить меня, но каким-то чудесным образом я избежала сначала одного, а потом и второго.

Оставался главарь и каких-то несколько шагов до широкой улицы и яркого света фонаря.

Всего.

Но случилось неожиданное — завязки капюшона не выдержали, с негромким звуком лопнули, осыпая меня и предводителя копной волос. Это и стало моим провалом.

Недолго думая, беззубый схватил меня за волосы, дёрнул так, что из глаз брызнули слёзы, и бросил себе в ноги.

— Гля, какая у нас сегодня красота.

— Раол, мож, и правда инэра? — пробасил второй. — Как

бы не попало потом.

— Да брось! Никакая инэра не попрётся ночью по тёмной улице. Так что развлечёмся…

Отвратительное лицо исказилось довольной улыбкой. Это я ещё видела даже сквозь слёзы. А потом он дёрнул меня ещё раз, да так, что я ударилась лбом прямо о влажные камни мостовой.

Не знаю, как удержалась в сознании. Видимо, понимала, что стоит упасть в обморок и всё, дальше только смерть. Поэтому и держалась.

— Отпустите, — прохрипела. — Иначе…

Что "иначе" не придумывалось. Голову раскалывало от боли, я задыхалась от паники и беспомощности, которую впервые ощущала так явно.

И молилась, надеясь, что поблизости окажется патруль боевый магов.

— Ой, боюсь, боюсь, — издевательски передразнил главный.

Не отпуская моих волос, он направился мимо чёрного хода лавки. В темноту проулка. Туда, где мне никто не поможет.

Я пыталась встать на ноги, но они не слушались. Так он и тащил меня по мостовой, пока я не додумалась закричать.

Из горла вырвался писк. Слабый, едва слышный. И в тот же момент второй мужлан закрыл мне рот какой-то грязной тряпкой. От запаха пота и плесени затошнило.

Это конец. Мне не справится.

Вот и сходила к Никосу.

И, тем не менее, я не переставала дёргаться, надеясь, что хоть это помешает им… в чём? Святые их знают.

Ну, вдруг.

И в тот миг, когда надежда казалась окончательно потерянной, в светящемся промежутке между двумя домами появилась тёмная, на фоне горящего фонаря, фигура. А насмешливый голос обронил:

— Уважаемые, меня с собой возьмёте?

— Пшёл отсюда, парниша — оскалился главный, но мои волосы не отпустил.

Святые, пожалуйста, путь сон не уходит! Да я… я что угодно сделаю, только бы избавиться от этих… этих…

— Спасите!

Хотела крикнуть, но из горла вырвался лишь писк. Даже мыши в подвалах пищали громче.

— Давно меня так не называли, — хмыкнул мужчина.

Ни сложением, ни голосом он не походил на “парнишу”, это я видела по массивному силуэту.

— Давай-давай, — отмахнулся тот, что держал меня за волосы.

Я попыталась выхватить пряди, но он тряхнул меня и бросил на мостовую. Увы, головой я всё-таки ударилась, поэтому следующий десяток секунд помнила слабо. Поняла только, что молчаливая тень метнулась к нам, а дальше…

Тряхнула головой, но стало только хуже. Виски взорвались болью, а я с негромким стоном легла на мостовую.

Холодно. Хорошо.

И грязно.

Последнее словно вернуло меня в реальность.

С трудом оторвав голову от камней, села, опираясь на руки. По-другому удержаться вертикально просто не получилось бы.

Расфокусированным, дрожащим зрением увидела ярко-красное пятно.

Кровь? Моя?

Не может быть.

Закрыла глаза, представляя, что всё это происходило не со мной. Попыталась взбодрить себя заклинанием, но почему-то не получилось.

Опёрлась руками о стену, благо она была совсем рядом. Приподнялась, вставая на колени.

Кто-то за мной выругался, а потом крикнул.

И ладно. Главное, встать, а там и до помощи недалеко. Стоило только дойти до Элени с Никосом, а там она поможет. Она тоже лекарь, перевяжет чем-нибудь, поможет там.

Дойти. Доползти.

Хоть как-то добраться.

Собрав все силы в последний рывок, я всё-таки встала. Хотя как встала… упала на стену, но хотя бы вертикально. Прижалась щекой к прохладной кладке.

Чутьё лекаря подсказывало, что у меня жар. Только с чего бы, если я не болела, не простывала и, вообще, отличалась завидным здоровьем.

Не с чего. А, значит, показалось.

Так же, как и то, что стена вдруг куда-то завалилась, утаскивая меня за собой.

— И снова ты, крошка. Скоро я поверю, что это судьба.

Сначала появился голос. Он звучал сверху и как будто бы с небес. Потом — руки, подхватившие сначала за талию, а после короткого присвиста всю меня.

— Жаль, уроды уже мертвы. Слишком лёгкая смерть, — вздохнули рядом.

Кто? Наверное, та фигура.

— Э-эй. Крошка, ты как?

— Надо. Мне надо. Отпустите. Я пойду…

— Только если сразу к трупам. Ты на ногах не стоишь, Алека Кацарос.

Моё имя прозвучало насмешливо и с намёком, но мне было всё равно. Всё, чего я хотела — убедиться, что с Никосом всё в порядке, и попросить Элени обработать раны на голове. С остальным справлюсь сама. Надо только добраться.

— Идти. Надо идти…

— Тихо-тихо. Надо, значит, пошли. Никогда не отказывал женщинам в такой просьбе, — смешок.

— Никос. Там Никос. Надо…

Судорожно вздохнула, вцепилась в отвороты плаща

незнакомца. Руку стрельнуло болью, но я не обратила на это внимания.

— Никос — это твой парень? Ладно-ладно, куда идём-то?

По глазам резанул яркий свет. Сквозь кровавую пелену догадалась, что мы вышли к фонарю. Из последних сил ткнула рукой вправо, а потом отключилась.

***

Очнулась резко, словно меня бросили в холодную воду. И тут же ахнула от боли, пронзившей виски.

— Негодница! А ну, руки прочь! — прикрикнул голос, которому я беспрекословно повиновалась вот уже десяток лет. — Удумала! Башку пробила, а туда же — руки тянет.

— Элени! — выдохнула с облегчением и осела в жёстких подушках.

— Элени, Элени! Лучше бы подумала о брате!

— Что с Никосом? — меня снова подбросило.

Чувства потихоньку возвращались. Для начала я поняла, что лежу в жёсткой, деревянной кровати, которая для меня была лучше любых перин. Пальцами сжала толстое, тяжёлое пуховое одеяло.

Нос различил ароматы варёного лука, печёного хлеба и ни с чем не сравнимой, сладкой отдушки после приготовления зелья из жубана. Я услышала, как отодвигается деревянный табурет по каменному полу, а потом шаги — лёгкие, почти невесомые, несмотря на немаленький вес и рост Элени.

На лоб легла тёплая ладонь.

И только тогда ко мне вернулось и зрение.

— Дура девка! — в сердцах выпалила Элени. — Вот зачем потащилась на ночь глядя? Куда?

— К вам. К Никосу.

— Нормально всё с твоим Никосом. Лежит вон, читает днями напролёт. Умничает, зараза такая языкатая!

Невольно улыбнулась. А потом вздрогнула.

— Элени, сколько времени?! Мне же в академию! Прогул!

Подскочила в кровати, осознала, что так и одета в академическую форму. Мельком удивилась дурости мужланов в переулке — нападать на адептов, как правило, себе дороже, но они почему-то рискнули.

— Да ты половину часа только спокойно пролежала, — снова заворчала Элени. — Угомонись! Никуда твоя академия не денется, тем более что…

— Нет-нет, надо идти. Я только с Никосом увижусь и сразу…

Мечась по небольшой, скромно обставленной спальне, я, наконец, нашла свой плащ, накинула на плечи.

— Спасибо, Элени! Ты лучшая!

Легко поцеловала недовольную женщину в щёку, фыркнула, попав в выбившуюся из-под платка прядь посеребрённых волос, и бросилась к проёму, за которым было ещё две комнаты и кухня.

Чтобы врезаться в Савриу, перехватившему меня за талию.

— Вы что здесь делаете? — возмутилась, надеясь на галлюцинации после удара головой.

А в следующее мгновение ахнула от обжигающей боли в руке.

Глава 5

Ноги, которые и до этого держали не очень уверенно, подогнулись. Я встретилась бы с полом, не подхвати меня Савриу.

— Ч-что происходит? — выдохнула сквозь слёзы и приступы боли.

— Неожиданное, — процедил сквозь зубы Савриу.

А потом подхватил на руки.

Воспоминания вернулись все и сразу.

Леший! Савриу снова меня спас. Причём в этот раз не от позора, а, похоже, от смерти. Осталось выяснить, как он меня нашёл, что делал в купеческом квартале и…

А вот с "и" можно повременить. Ощущения были такими приятными, что, казалось, мне отрезали руку. По живому. Тупой пилой.

Не сдержала глухого стона сквозь зубы.

— Инир, что случилось?

Элени. Добрая, милая Элени, в прошлом лекарь, которая подобрала нас на улице после того, как мы сбежали из приюта. Точнее, как сбежали — я шла, волоча на себе Никоса. И к тому моменту, как встретили Элени Лукас, выглядели мы даже хуже самых оборванных нищих.

Не иначе Святые помогли, послали нам единственного во всём Иринире сострадательного человека.

— Выйдите, — приказал Савриу, укладывая меня на кровать.

И самое удивительное, что упрямая Элени послушалась какого-то дракона, которых сама недолюбливала ещё со времён работы в Главной лечебнице Рана.

— Что вы… как вы… здесь?

Боль сковывала руку. Отпускала на несколько долгих мгновений, а потом стискивала с такой силой, что кости давно должны были раздробиться в пыль.

— Это всё, что вас интересует, Алека Кацарос? — сыронизировал Савриу.

Открыв глаза после очередного что-там-это-было, встретилась с недовольными серыми глазами.

Перевела взгляд ниже. Туда, где уже не должна было быть руки.

И ахнула, выдёргивая руку из захвата.

Вот только Савриу недаром был первым генералом, заслуженным, прославленным и дальше по списку. Поэтому моё запястье так и осталось в захвате сильных пальцев.

Да и ладно, потому что проблема была не в этом.

— Откуда это?

Всё ещё не понимая, что думать, кивнула на ярко-красный ожог на руке в форме замысловатой вязи.

Но Савриу не ответил, разве что желваки заходили по красивому лицу генерала.

Стоп. Красивому?

О чём я думаю, вообще?

Лучше бы о том, почему боль вдруг утихла, а потом и вовсе пропала. Уверена, что это связано с ладонью Савриу, укрывающей моё запястье.

— Вы можете объяснить, что происходит? — взорвалась.

Но потом вспомнила, что он спас меня уже дважды.

— Пожалуйста, — добавила куда спокойнее.

— Пожалуйста, — криво улыбнулся Савриу и поднял на меня глаза. — Если я сейчас уберу руку, боль вернётся в десятикратном размере. У тебя как с болевым порогом, крошка?

— По-разному. Но почему? Откуда она, вообще, взялась? Те… из переулка. Они не трогали руки.

— Достаточно того, что я трогал, — помрачнел Савриу, прикрыл на мгновение глаза и выругался. — Кацарос, вот какого… — он явно проглотил ещё одно ругательство. — Что вы делали в том проклятом переулке?

Савриу вдруг разозлился. Но не настолько, чтобы убрать ладонь, которая спасала меня от боли.

Серые глаза сузились, брови сошлись у переносицы.

Невольно сглотнула, потому что вот так, лицом к лицу, оказалась с ним впервые. И это не самое приятное чувство, которое я испытывала в жизни. А, учитывая явную злость Савриу на меня, даже испугалась. Слегка, но…

— Работала, — честно призналась ему и отвела глаза.

Потому что в академии высшей знати не работал никто.

Даже стипендиатам хватало денег, чтобы жить более-менее прилично. Но это потому, что у них не было Никоса и Элени, которых я содержала, отказывая себе во всём.

— И зачем? — поднял бровь Савриу.

— Надо, — ответила кратко.

Не рассказывать же ему всю печальную и местами трагическую историю своей жизни.

Нет уж. Хватило двух спасений. И меньше всего я хотела, чтобы в придачу к ним, он начал меня жалеть.

Кстати, об этом.

— Профессор… инир… — запуталась окончательно. — В общем, я хотела сказать спасибо. В ту ночь вы… обознались. И, тем не менее, спасли меня от позора и…

— Кацарос, ты в себе?

Я волновалась и до этого, а насмешливый вопрос окончательно сбил меня с курса.

— Ты издеваешься? — продолжил Савриу. — Да если бы я знал, не подошёл бы к тебе и на расстояние пульсара.

— О чём знали? — пискнула, чувствуя, как снова разрастается его злость. — Я же поблагодарила и…

— И обеспечила мне проблем на полжизни! — рявкнул вдруг Савриу. — Этим.

А потом убрал руку, под которой оказалось моё запястье, украшенное уже не красной, а серебристой широкой вязью, уходящей под рукав.

— Знаешь, что это, Кацарос?

Прошло каких-то несколько мгновений, а кожу руки снова начало пощипывать с перспективой вернуться к прошлой боли. Но я скорее умру, чем попрошу Савриу вернуть руку.

— И что это? — вздёрнула подбородок.

Хотя бы потому что не считала себя ни в чём виноватой. Академия не запрещала своим адептам работать, такого не было в уставе — я читала. Спасать себя я тоже не заставляла — это было решение Савриу. Мог просто пройти мимо и забыть про увиденную непотребную сцену.

Так же, как и в свою первую ночь в академии, он мог не распускать руки и мои склеенные волосы, а просто пройти мимо. К ректору. Где его и ждали.

— А это, Кацарос, трижды клятая метка Истинности! — скривился Савриу. И ехидно добавил: — И она не перестанет болеть, пока ты меня не поцелуешь.

— Я не стану!

Я не просто отодвинулась — отскочила от Савриу. И плевать на боль и какую-то Истинность.

Сердце колотилось, словно я без передышки забралась на самую башню академии, а руки тряслись как в припадке.

Целовать? Он совсем рехнулся?

Ладно, обознался. Но вот так при свете дня? Точнее, ночи… да всё равно когда!

Нервно качая головой из стороны в сторону, я отходила от Савриу, пока не упёрлась спиной в стену. И впервые пожалела, что комнаты Элени не сравнимы по размерам с ко-

ролевскими залами.

Впрочем, Савриу не спешил меня преследовать. Он встал с кровати, скрестил руки на груди и с интересом следил за моими передвижениями.

— Рука, Кацарос, — кивнул на покалеченную руку.

И, как по команде, первый приступ резкой, вгрызающейся в кости, боли заставил ахнуть.

— Откуда взялась эта Истинность? Вы придумали… — осеклась, вспоминая, кто передо мной. — Никто и никогда не упоминал про метки и это всё. Даже в библиотеке…

— Мир не ограничивается старыми глупыми фолиантами и библиотекой. Но это так, чисто для справки. А Истинность… — Савриу скривился. — Случается. Очень редко. И только между драконами. Если хочешь, это привязка на всю жизнь. Навязанная любовь.

Меня передёрнуло. Быть привязанной на всю жизнь к такому, как он? Спасибо, ешьте сами.

Я с удовольствием передарю такое счастье Барбе.

— Я вас не люблю.

Приступ прошёл, но с каждой секундой запястье припекало всё сильнее.

— Магия не спрашивает. Вопрос, каким образом мы обменялись кровью, хотя…

Он оборвал сам себя, а после резким движением хищника приблизился.

С трудом, но я всё же сдержала вскрик, когда Савриу схва-

тил меня за руку, а потом внимательно осмотрел со всех сторон. Но веселее стало, когда он осмотрел и свои руки. Это его не удовлетворило: Савриу снял сначала сюртук, а потом начал расстёгивать рубашку.

Сил удивляться не осталось.

— Что вы делаете?

— Ищу. Пока я избивал младенцев, почувствовал что-то… типа щекотки, но списал это на непривычную форму. Никогда не любил официоза, — на удивление мирно пояснил Савриу. — Предпочитаю военную форму и доспех, а не стариковские мантии.

Кем, а стариком в преподавательской форме он точно не выглядел.

Пока я находилась с ответом, Савриу расстегнул рубашку из тончайшего шёлка, стоимостью как дом Элени, и стянул её с плеч.

Стиснув зубы, терпела и боль в руке, и странное поведение дракона, который вроде как наш куратор. Только вёл он себя совершенно не так, как того требовалось.

— Что и требовалось доказать.

Борясь с нарастающей болью, я пропустила момент. Савриу снова взял меня за руку и, не спрашивая, приложил к своему плечу.

— Блеск, — процедил сквозь зубы. — Мечта идиота.

Сознание постепенно затягивало красное марево, но я всё-таки увидела царапину на плече Савриу, которая затяги-

валась на глазах. А потом перевела взгляд на свою ладонь, которую он прижал к этому же месту.

Вот леший.

На моей руке тоже была царапина — длинная, уже не кровящая, но видно, что свежая. И она идеально совпадала со следом на его плече.

— Твоя правда, Кацарос, не стоило вмешиваться, — выплюнул Савриу. — Добровольно заточив себя в академию, меньше всего я хотел связаться меткой с такой, как ты.

Меня качало на волнах боли. Не уверена, что до конца понимала и слышала, что он говорил.

— Бедной из приюта?

Вскинуть голову меня ещё хватило. И поймать презрительный взгляд тоже.

— Невинной, маленькой, ничего не понимающей в жизни, — сказал, как припечатал.

И это я-то ничего не знаю о жизни? После трёх семей, которые хотели от нас с Никосом только одного — королевской поддержки для сирот? После полугода выживания на улице вместе с больным братом? После ночей в работе и учёбе?

Я не знаю?

— Уходите, — проскрежетала зубами. — Вон. Справлюсь… без вас.

Казалось, боль распространилась по всему телу. Я вся превратилась в один пульсирующий от страха, мук и гордости, комок.

И всё равно не собиралась сдаваться на милость наглому куратору, который не знал слова “нет”.

— Кацарос, поумерь пыл. Ты горишь.

— Всё равно, — мотнула головой.

А потом упала. К счастью, в сторону кровати.

Подтянулась на руках, которых фактически не чувствовала. Вслепую открыла ящик стоящей рядом тумбы и медленно, едва шевеля непослушными пальцами, принялась перебирать склянки и порошки.

Где-то здесь должен быть жубан. Мы в спальне Элени, а она хранила его под рукой. Пусть не зелье, но мне хватило бы просто пожевать листья, чтобы вернуть ясность ума и придумать… что-нибудь.

— Готова отдать жизнь из-за невинного поцелуя?

Савриу не только не уходил, он ещё и не соизволил одеться.

— Лучше смерть, — процедила.

— И почему же?

В его голосе слышалось что-то… что-то странное, но мне было не до чувств куратора.

— Вы… отврати… тельны. Мне. Ваше…

Но высказать всё, что хотелось, я не могла. Голос отказал. А в следующую секунду из пальцев выпала и нужная, лежащая в самом дальнем углу, связка.

Едва не заплакав от отчаяния, пропустила момент, когда меня вздёрнули на ноги. Вот только стоять я уже не могла и

фактически упала на грудь Савриу.

— Это я-то отвратительный?

И в любой другой момент я бы испугалась вертикального зрачка и его холодной ярости. Но не сегодня.

— Да, — произнесла беззвучно, одними губами.

Но Савриу понял.

Зло рыкнул.

За спиной куратора раскрылись тёмные, кожистые крылья, смахивая вещи на пол.

А потом он меня всё-таки поцеловал.

Глава 6

Боль? Она пропала вмиг.

Да я бы её и не заметила, пытаясь вырваться из хватки злого дракона. Попыталась что-то сказать, но Савриу воспользовался этим самым ужасным способом. Ударила кулаком по твёрдой груди… а потом сама схватилась за дракона, потому что ноги вдруг подогнулись, а странная, расслабленная волна прокатилась по телу, лишая воли.

В последний момент дёрнула головой, разрывая поцелуй. Задыхаясь от ощущений, которые испытывала впервые: огня по венам, тёплого пульсирующего шара в груди и магии, что сработала лучше любого бодрящего зелья.

Я едва стояла на ногах, но первое, что сделала — вытерла рукавом губы. Да, под взглядом Савриу, мгновенно вернувшегося к отметке “холодная ярость”.

— Кацарос! — рявкнул он. — Я тебе жизнь спас.

Доля правды в этом была. Слишком большая доля.

Ноги всё ещё стояли с трудом, поэтому я схватилась за изножье кровати.

— Спасибо, — кивнула. — Только в следующий раз оставьте меня, пожалуйста, умирать.

Савриу зарычал. Или мне так показалось? В любом случае, комнату — и так небольшую и тёмную, — накрыло совсем непроглядной тьмой. Словно на нас двоих вдруг опу-

стилась ночь.

— Я нашла зелье!

Элени выглянула из-за раскрытого крыла Савриу и сдавленно крякнула.

— Зелье. Из жубана.

Очень вовремя.

— Жубан? Насколько я помню, зелья из этого растения подлежат учёту, а лекари получают специальное разрешение на изготовление.

Вот же… Савриу.

— Вам показалось.

Я была вежливой, насколько это возможно в таком состоянии.

Спальню накрыла предгрозовая тишина. Хватило бы одного слова, малейшего взгляда, чтобы полыхнуло, но Элени, как всегда, спасла всех.

— Инир Савриу, — позвала добродушно, — а хотите пирога?

Мы одновременно посмотрели на пожилую, но всё ещё крепкую женщину, стоящую в дверях спальни. Из кухни лился свет, поэтому виднелся лишь силуэт: длинная серая юбка из простой ткани, просторная рубашка, широкий пояс из ткани на талии и платок, прикрывающий волосы.

— Пирога?

С каких пор изобретательная, ничего не забывающая Элени, угощает каких-то иниров пирогом? Тем более, по своему

особому рецепту.

— Инир?

Но Элени смотрела только на Савриу, и тот оценил гостеприимство.

— Буду рад, прекрасная инэра.

Поклонился, леший такой, втянул крылья и подхватил с кровати рубашку. Так они и ушли, оставляя меня приходить в себя в одиночестве.

Поцелуй! Подумать только.

Не то чтобы я мечтала о великой любви и принце на белом драконе, но точно не рассчитывала, что мой первый поцелуй окажется таким. С наглым иниром, для которого существовали только его желания. В красном мареве боли. По необходимости и принуждению, хотя лучше бы было обойтись.

Вздохнув, коснулась пальцами губ.

Плохо. Обидно. И горько где-то очень глубоко в душе.

Что же, справлялась и не с таким. Осталось не забыть про метку, что обрела вид искусно нарисованного браслета на моём запястье, и больше никогда не подёргивать рукава.Не хватало, только чтобы об этом узнали в академии.

Принёс же леший Савриу! Не сиделось ему в уютном замке с парой десятков слуг.

Вздохнула ещё раз. А потом вспомнила, зачем стремилась в небольшую квартирку на первом этаже не самой нищей, но вполне бедной, чтобы быть бесполезной для воров, улицы.

Никос. Я всё-таки увижу брата!

Улыбка сама наползла на губы.

Я подошла к небольшом овальному зеркалу на стене, ожидая увидеть страшную, замученную себя, но всё оказалось не так плохо. Даже слишком хорошо, раз привычные синяки под глазами куда-то исчезли.

Оставалось разве что поправить одежду после Савриу. А потом, не глядя на Элени и куратора, мирно обсуждающих осень в столице, пройти в соседнюю комнату.

Никос спал. В тусклом свете, падающем с улицы, взгляд выхватывал детали спальни: кровать, стоящую изголовьем к окну, заваленный книгами стол, стул рядом с кроватью и тумбы по обе стороны.

— Не крадись, — раздался в темноте звонкий мальчишеский голос.

А в следующее мгновение чиркнула спичка, зажигая свечу у изголовья.

— Мы тебя разбудили, — вздохнула с сожалением. — Прости!

Подошла к кровати, села на край, подгибая под себя одну ногу. А потом не выдержала: потянулась, стиснула брата в объятиях и взъерошила и так непослушные волосы.

— Я скучала! — выдохнула с улыбкой.

— И я, — фыркнул Никос.

Если не знать, он выглядел обычным смешливым подростком, разбуженным среди ночи и щурящимся на свет. Вот только это не отменяло страшную, похожую на кору де-

рева, кожу, покрывающую его ноги. Никто не знал, что это за болезнь, а я не нашла её ни в одном из справочников.

Когда появилось первое такое пятно, мы не обратили внимания. От второго у Никоса поднялся страшный жар, не спадающий две недели, а после третьего отказали ноги.

И все эти годы пятна разрастались, охватывая всё больше. А я с каждым приходом сюда со страхом вглядывалась в Никоса, боясь увидеть новые очаги.

— Врёшь, — прищурилась.

И в доказательство подхватила книгу. Она так и осталась лежать на кровати — видимо, Никос снова заснул за чтением.

— Тебе некогда скучать. Жизнеописание Инира? Где ты это взял? — нахмурилась.

— Элени принесла, — пожал тощими плечами Никос.

С одного спало плечо, и он отвлёкся на мгновение, чтобы привести себя в порядок.

Элени могла. Я до сих пор не знала, почему она взяла на себя заботу о двух сиротах, которых нашла на улице: кормила, воспитывала, помогала мне подготовиться к поступлению в академию. А сама Элени молчала и отшучивалась, когда я задавала ей прямой вопрос.

— Болит? — кивнула на ноги, укрытые покрывалом.

— Ерунда, — отмахнулся Никос. — Расскажи лучше, что у вас нового?

Имея в виду академию, в которую ему был закрыт ход.

Никос всегда как губка впитывал любые мои истории про академию, адептов и преподавателей, поэтому каждый раз я старалась рассказать ему что-нибудь новое и интересное.

Вот только сегодня из нового и интересного был Савриу и мои почти испорченные волосы.

— Расскажи лучше про Инира, — улыбнулась в ответ.

Хоть я прочитала эту книгу от корки до корки, это было лучше, чем пересказывать последние события.

Только надолго Никоса не хватило. Сегодня был один из тех дней, когда боль не проходила даже от жубана: я видела это по тому, как он морщился, сам того не замечая, как тянулся поправить одеяло или потереть безжизненную ногу. Беспокойный, Никос заснул чуть ли не на середине предложения, и, когда это случилось, я с улыбкой поправила ему одеяло и задула свечу.

Без Элени мы бы погибли. Я обязана ей всем и, особенно, Никосом. И никогда её не оставлю.

Но сейчас, почему-то, она вполне мирно общалась с Савриу, который для меня олицетворял все пороки скопом.

— Кто это?

Вздрогнув от неожиданности, заставила себя не оборачиваться. От этого дракона я слышала соблазнительный шёпот, злой рык и недовольство, поэтому эта интонация была мне незнакома.

— Элени не сказала?

— Я спросил тебя, крошка.

От дурацкого прозвища передёрнуло.

— Это Никос, мой младший брат.

В конце концов, это не тайна.

Потянувшись, ещё раз поправила одеяло, хотя в этом не было нужды.

— Что с ним?

— Никто не знает, — прикусила губу.

Святые! Мне бы только найти гримуар, хоть одним глазком заглянуть внутрь и найти средство. Я не желаю ничего больше, только спасти брата.

— Инэра Лукас сказала, что ты сирота.

Если это вопрос, то я его не поняла. Мельком удивилась, с каким уважением Савриу отозвался об Элени, и только.

В молчании прошли несколько тягостных минут.

Мне хотелось встать, поговорить с Элени, спросить, всего ли им хватает и что нужно, но я не могла сделать это в присутствии Савриу. А тот явно никуда не торопился.

Рассвет тем временем решил, что мне достаточно было ночи, и выглянул самым краешком, освещая далёкий восточный край неба.

— Мне нужно идти, — наконец, вздохнула я.

Потому что ещё немного, и я не успею на первую лекцию.

Поднялась с кровати, легко поцеловала Никоса в лоб, убирая книгу из его рук на тумбу. Глубоко вдохнула и только тогда повернулась к Савриу.

Он так и стоял в проёме со скрещенными на груди рука-

ми. Плечом Савриу прислонился к косяку и с непонятным выражением изучал моё лицо.

— Я провожу, — кивнул Савриу без насмешки.

— Спасибо, я справлюсь. Вы и так сегодня… я и так принесла вам достаточно хлопот. Мне очень жаль.

Не врала. Я редко о чём-то жалела, но сегодняшняя ночь, кроме встречи с Никосом, вышла именно такой.

— Кацарос, ты всегда такая…

Похоже, Савриу не нашёл подходящего слова.

— Какая? — вздохнула.

И прошла мимо него, игнорируя тот факт, что рубашку Савриу накинул, но застёгивать не спешил.

— Бессмертная. С напрочь отсутствующим инстинктом самосохранения.

Сбилась с шага.

Так меня ещё не называли.

И он воспользовался этим, чтобы дёрнуть меня за запястье. Правда, оказалось, что Савриу всего лишь поднял руку, на которой проявилась такая, как у меня, только более широкая вязь. И моя рука слепо повторила этот фокус.

Поджав губы, левой рукой опустила правую, подержала какое-то время, но та больше не своевольничала.

В кухне догорал огарок свечи, а в дверь в спальню Элени была закрыта. Свет из-под неё не горел, а, значит, они и правда ушла спать. Ничего удивительного — мы с Никосом могли разговаривать до утра.

Но обычно без компании инира, генерала, куратора и кто он там ещё.

— Я всего лишь пыталась выжить, — подняла на него взгляд. — Всегда только выжить, не ступая при этом по головам. И мне жаль, если это не укладывается в рамки вашего восприятия. Потому что это не бесстрашие, это…

Но этой ночью у всех возникали трудности с подбором слов.

Поэтому я вежливо склонилась, как подобало перед инир ом, подхватила плащ, накинула капюшон. Хотела сказать что-то напоследок, но так и не придумала что.

Поэтому просто оглянулась, не ожидая увидеть Савриу так близко.

— Я теперь твой куратор, Кацарос, — усмехнулся он. — И в моих интересах, чтобы ты вернулась в академию в целости. А рядом со мной или как добыча на плече — решать только тебе.

И, пока я открыла рот от наглости этого дракона, вышел на улицу. Сделал пару шагов, чуть повернул голову — достаточно, чтобы я полюбовалась насмешкой на красивых губах.

— Так что решаешь, крошка?

А мне осталось только закрыть дверь, с трудом сдерживаясь, чтобы не хлопнуть ею изо всех сил.

***

Забавная крошка.

Гордая. До такой степени, которая редко встречается даже

среди инэр.

Красивая. Стоит ли говорить, если я каждый раз делаю на неё стойку.

Казалось бы, на что, но…

Хмыкнул, поймал недоверчивый взгляд Кацарос.

Да, она шла рядом, но всем своим видом показывала, что ей не оставили выбора. А мне просто приятно смотреть на тёмные, с фиолетовым отливом пряди, выбивающиеся из-под капюшона.

Ещё бы не эта Истинность, дракону её под хвост!

Отвёл взгляд, чувствуя нарастающую злость.

Выход с академией был идеальным. Во-первых, пока я жив, войн не планировалось. Королёк соседнего государства так и заявил: “Чтобы ты сдох, Савриу, и тогда…”

Впрочем, “и тогда” ему ничего не светило. К моменту своей смерти кого, а преемника я найду и воспитаю.

Во-вторых, столица откровенно надоела высокомерным блеском и томным смехом. Почему-то все мимо проходящие инэры считали своим долгом повиснуть на моей шее. А иногда и не только шее.

Скучно.

В-третьих, я всерьёз задумывался о должности преподавателя. Юные умы, пытливые взгляды.

Вот как у этой, которая шла рядом и игнорировала моё присутствие.

Да и в целом развлечься можно и в академии, но…

— Осторожнее, крошка.

Видел, как её бесило милое прозвище, и не удержался. Поддержал под локоть, не дал протаранить носом мостовую.

И что в благодарность?

— Спасибо.

От равнодушного слова начинало потряхивать.

Спасибо? Так просто? А где остальные авансы победителю и прочее-прочее?

Весело усмехнулся.

— Но я справилась бы сама.

Даже не сомневался. Эта — точно справилась бы. Собрала все проблемы, прошла по самому трудному пути, но справилась.

— Чем ты лечишь брата?

Зыркнула из-под капюшона, хотела что-то сказать, но промолчала. Думал, не ответит, но нет. Кацарос удивила уже в который раз за сутки.

Иные за десять лет так и не сподобились.

— Ничем. Лекарства нет. Я только облегчаю симптомы.

— Жубаном?

Дорогое лекарство. Удивительно, где и как она его, вообще, находила. Впрочем, учитывая, что я нашёл её недалеко от лавки самого удачливого контрабандиста Рана, вопрос снимался с повестки дня.

А ещё готов поставить крыло против того, что крошка понятия не имела, у кого работала.

— Больше ничего не помогает.

Вот оно, всё-таки прорвалось. Горе, обида, отчаяние — и всё это в одной ноте, которую Кацарос случайно пропустила в голос. Не сдержалась.

Подозревал, что из-за усталости и всего случившегося.

К слову о шее — любая другая на её месте ехала бы в академию на ручках первого генерала Иринира. Томно вздыхала, опускала головку на плечо и вот это всё.

Любая, но не Кацарос.

Эта шла сама, причём на расстоянии от меня. Спотыкалась, ойкала, тяжело дышала, но шла.

Я отсюда видел, как подрагивали длинные, изящные пальцы — недосып, страх, опять же физнагрузка, потому что до академии надо ещё дойти. Но, стоило признать, держалась Кацарос на уровне.

Это… цепляло. Заинтересовывало.

Ещё одно открытие в копилку Кацарос — до неё женщины интересовали меня только в одном смысле, и он был далёк от любопытства, как я от аскета.

Оторвал взгляд от адептки, чтобы убедиться — башни академии уже виднелись поверх крыш домов. Осталось не так много времени.

Только на что?

— Я помогу тебе, крошка.

— Спасибо, не надо, — ответила она быстрее, чем подумала.

Но с шага не сбилась. Привыкла к моим выходкам?

И к лешему её “спасибо”!

— Даже ради брата?

Молчание длилось ровно половину секунды.

— Даже ради него.

— Почему?

И вот здесь она остановилась. Тяжело вздохнула. И посмотрела так, словно не я, а она была генералом, куратором и дальше по списку.

— Инир Савриу…

— Куратор, — поправил инстинктивно.

Удивительно, как быстро привык.

— Куратор Савриу, — вздохнула ещё раз, — вы… наверное, вы действительно хотите помочь из добрых побуждений.

“Наверное” звучало очень лестно.

— Но я не та девуш… не та адептка, которой стоит помогать. Если Вестник не врёт, то вам надо продержаться год, чтобы не жениться на Кари Тракас. А ваше внимание ко мне… оно никому не поможет. Я и так не самая популярная в академии, а вы сделаете только хуже.

Мельком решая, что пора бы прикрыть Вестник за такие подробности, столкнулся с огромным и чистым взглядом синих глаз.

— Пожалуйста, давайте каждый пойдёт своей дорогой. Я доучусь и попробую вылечить брата. Вы — спустя год исчез-

нете, словно вас и не было. А сегодняшняя ночь останется случайностью, признаком вашей доброты и благородства.

Она вежливо улыбнулась, по неведомой причине выбесив меня этим не меньше, чем своим “спасибо”.

Поклонилась, а потом быстрым шагом направилась к воротам академии, до которых оставалось каких-то несколько саженей.

И по тому, что я увидел за день в академии, Кацарос во всём права. Для меня она, как и любая другая адептка — запрет.

По крайней мере, если хочется жить долго, свободно и счастливо.

Вот только на её руке моя метка. А мне давно плевать на запреты.

Так что, усмехнувшись, я пошёл к воротам, предвкушая очень интересный год.

Глава 7

Увы, всё, что я успела после того, как вернулась в академию — это собрать учебную сумку и побежать на лекцию. Первым стояли зелья, так что пришлось действительно бежать, чтобы успеть.

Лестницы, коридоры, повороты — лаборатория, где мы варили зелья, располагалась на нижнем этаже академии. Чтобы туда попасть, требовалось спуститься на первый этаж в главный холл, пройти от парадных дверей до кабинета завхоза, спуститься на два этажа вниз и бежать в самый конец.

И я бежала, не замечая привычного запаха земли и сырости.

Почему-то считалось, что здесь варить зелья и отрабатывать ритуалы безопаснее, чем наверху. Может, так и было, хотя на лекарском факультете мы проходили не столько опасные, сколько сложные в приготовлении зелья, где успех зависел от малейшей доли градуса.

Сумка била по ногам, но я успела.

Растрёпанная, запыхавшаяся влетела последней, пронеслась через всё помещение, занимая место за дальним столом. И сразу после дверь с громким стуком захлопнулась.

— Адепты, — подняла бровь немолодая, но красивая профессор Марая Васи. — Время.

В её руке удобно устроились карманные часы, без которых

профессора Васи никогда и не видели. Она измеряла временем всё — от рецептов обожаемых зелий до провинностей адептов.

“Ваш бесполезный ответ отнял четверть часа наших жизней”, — говорила она на лекциях.

И никогда и никого не пускала после начала занятий.

Я выдохнула, понимая, что едва не осталась за дверью. Нет уж, если и пропускать лекцию, то по действительно важной причине, а не потому, что Савриу…

Впрочем, сама виновата.

Хотя от последнего моего монолога для куратора до сих пор горели уши и нижняя часть шеи.

Как осмелилась? И, главное, кому!

Да ему ничего не стоит выгнать меня из академии просто потому, что так захотелось. Возможно, как раз сейчас Савриу сидел у ректора и договаривался об отчислении одной слишком наглой адептки.

Передёрнула плечами, по ним прошла изморозь.

Нет. Не паниковать. Всё хорошо. Для Савриу я так, случайно попавшаяся на глаза адептка, о которой и думать не стоит. Да и что я сказала не так?

Судя по газетной статье и тому, о чём шептались на углах, он действительно поспорил с королём. Нагло, дерзко, но кто, кроме Савриу, осмелился бы.

А на что ещё и зачем они могли спорить? Кроме как на нежеланную женитьбу самого завидного жениха в Иринире.

А там не надо обладать могучим умом, чтобы догадаться об условиях. Вряд ли его величество послал Савриу развлекаться в академию, где каждая вторая готова повиснуть на могучей шее.

А, значит, я права, и он должен вести себя образцово.

Вот только никак не начнёт.

— Сегодня мы повторим зелья, которые проходили с начала года. Надеюсь, вы не тратили зря своё и мо время. Каждый вытянет одно название, которое должен будет…

Осознала, что пальцами неосознанно коснулась губ и отдёрнула руку.

Не хватало ещё этого.

А потом почесала запястье второй.

И этого.

Святые, как я так влезла?

Вздохнула.

Лучше бы осталась в академии, а Актеону отправила весточку с извинениями. Он бы не обиделся, понимал, что не всё в академии зависело от меня.

Зато не случилось бы нападения, спасения, метки… ничего не было бы. А Никоса я бы навестила в другой раз.

Ну да. Вот только какая разница, если любимое время профессора Васи ушло, Савриу вёл себя как… а у меня на руке красовался браслет в виде причудливой вязи.

Нервно натянула рукава до предела.

— Кацарос.

Вздрогнула от неожиданности, слыша над собой резкий, громкий голос.

— Хватит спать. Забирай билет.

Сначала я столкнулась с зелёными и раскосыми, как у кошки, глазами профессора и только потом увидела лист, который та опустила мне на стол.

— Ты последняя, Кацарос, так что досталось что осталось.

Мне показалось, что в голосе Васи мелькнуло сожаление. Хотя вряд ли, в академии высшей знати Иринира не принято жалеть стипендиатов, а пристрастное отношение к нам, наоборот, всячески поощрялось.

— Спасибо, профессор Васи, — кивнула.

А что оставалось делать. И только потом прочитала название зелья, которое должна приготовить.

Вот пр**о**пасть!

Но Васи уже повернулась спиной ко мне и пошла к своему столу, периодически бросая грозные взгляды на особо нервных адептов. Как же, не все из них учили зелья. Скорее, даже почти никто. Вот и Барба Гривас подавала знаки сидящему рядом Зену, который показательно не обращала на неё внимания.

Впрочем, надолго его не хватило, и я увидела, как записка перешла из рук в руки.

И снова посмотрела на свой лист.

Зелья удачи, приносит тому, кто его выпьет, благословение Святых на два часа.

Спорный момент, потому что никто так и не доказал, что оно действительно действует. Правда, Торк Правдивый, выпив его, в самом деле победил какое-то чудовище, живущее в горах, а потом быстро женился на наследной принцессе в награду. Справедливости ради, ни до, ни после никому такого подарка не предлагали.

И всё бы ничего, говорили, что мелкие дела зелье всё-таки поправляло. Но готовилось оно…

Тяжело вздохнула.

Святые, ну почему мне всегда попадаются самые сложные зелья? И, с одной стороны, практически живя в библиотеке, я знала, как ускорить его приготовление. Но с другой — для этого требовался тот самый жубан, который хоть и был у меня в сумке, но, вообще-то, входил в список запрещённых к использованию в академии. В первую очередь из-за цены, во вторую… скажем так, их жубана готовилось не только и не столько обезболивающее. Гораздо больше он интересовал юных зельеваров как растение, способное принести долю радости в любую, даже самую горькую жизнь.

И да, вызывал привыкание.

Это, кстати, стало одной из причин, почему зелье из жубана мы давали Никосу только в самых крайних случаях. Меньше всего мне хотелось лечить его и от этого.

— Кацарос, — подняла глаза на профессора, — вы там заснули?

Только если слегка.

— Простите, профессор.

Взяв котёл, я поставила его на горелку, влила основу, а потом начала готовить, даже понимая, что не успею. И пусть. Васи, несмотря на ярую приверженность ко времени, никогда не ставила незаслуженные оценки. И даже если сейчас у меня выйдет неудовлетворительно за не готовое зелье, средний балл от этого не сильно пострадает.

Впрочем, был и крохотный шанс, что времени мне всё-таки хватит, поэтому я сосредоточенно принялась за зелье удачи. А оно не терпело ошибок.

И только этим я могу оправдать собственную глупость.

— Паршивая сиротка, — мелодично пропела Барба, появляясь передо мной. — Как успехи?

Смолчала, предпочитая заниматься делом, а не реагировать на явную провокацию.

— О, какие мы стеснительные, — фыркнула она. — А если так…

И пнула ногой стол, отчего котёл качнулся и кипящее зелье едва не вылилось мне на ноги.

Святые!

— Адептка Гривас, вы закончили своё зелье? — требовательный голос профессора прозвучал как нельзя кстати.

— Иду, профессор, — промурлыкала Гривас и, бросив на меня последний презрительный взгляд, сообщила. — Савриу — мой. Поняла, убогая?

Барба подалась ближе, наклонилась над котлом, прибли-

жая своё лицо к моему.

— Только дёрнись в сторону куратора и узнаешь, что такое ярость Барбы Гривас.

Голубые глаза угрожающе сверкали, верхняя губа приподнялась, словно в оскале, обнажая зубы.

А мне вдруг стало смешно до такой степени, что я фыркнула ей в лицо. Притворная, как и вся Барба, прядь волос, якобы выбившаяся из причёски, подпрыгнула от потока воздуха. Я снова фыркнула, а потом засмеялась, насколько позволяла лекция.

Понимала, что ничем хорошим это не закончится. Знала, что Гривас затаит обиду и выходка с волосами покажется мне детскими шалостями, но ничего не могла с собой поделать. Смех рвался наружу и, может, это нервное, но Барба, заявляющая права на Савриу, выглядела более жалкой, чем самый нищий сирота из тех, что мне встречались.

Святые, да даже у них было больше чести и достоинства, чем у этой, с позволения сказать, инэры.

— Я, может, и узнаю, но пока дёргается разве что Савриу. От тебя.

— Как ты смеешь! — зашипела Барба.

Подалась было ко мне, но её остановил приблизившийся голос Васи.

— Гривас, у вас со слухом проблемы? Могу отправить в лазарет.

— Ты пожалеешь, Кацарос! — вздёрнула подбородок Бар-

ба.

Но хотя бы оставила меня в покое. Впрочем, я сразу забыла об обиженной инэре — зелье удачи бурлило и требовало внимания. И пусть я не успевала его доделать, но вроде бы всё шло как надо.

По крайней мере, так мне казалось, пока огромный пузырь не лопнул с громким бульк, заливая мне руки кипящим зельем.

— Кацарос! — услышала беспокойный крик профессора.

А в следующее мгновение зрение взорвалось тёмно-зелёным цветом зелья удачи, и я потеряла сознание.

***

Саврий

Несмотря на то что ночь выдалась бурной, настроение царило на уровне. Взгляд то и дело выхватывал рисунок на запястье, в отличие от метки Кацарос вдвое шире и ярче.

Почему? Да дракон её знает.

О метках Истинности не знали почти ничего, потому что такие пары почти не встречались. Одна-две на пару поколений — это даже не статистика. К счастью, в дедовской библиотеке чего только не было.

В то время, когда я был малолетним идиотом, очень хотелось найти ту самую, так что информация о метках не прошла мимо. Только поэтому сразу понял, чем обернулось спасение Кацарос.

Драконий хвост!

Так удачно ускользнуть от одной женитьбы, чтобы влететь в Истинность? Воистину, у Святых своеобразный юмор.

Впрочем, Кацарос намного приятнее инэры Тракас во всех отношениях. И олений взгляд, и копна волос, и общие невинность и наивность.

Угум. Осталось вспомнить, что в такие игры мне надоело играть лет десять назад. И что его величество не дремлет: проиграю спор — придётся скрипеть зубами, но исполнить обещанное.

Так что никакой Кацарос. Почти. Ведь можно сделать так, что никто не узнает и…

— Куратор Савриу!

Дверь кабинета распахнулась во всю ширину. Лениво повернулся к входу, обнаруживая там профессора Мараю Васи, в прошлом фаворитку его величества. Только в отличие от остальных, Васи всерьёз обиделась на пренебрежение, хлопнула дверью и больше не вернулась. Видимо, поэтому его величество Архилад смягчается, слыша об академии.

— Профессор Васи? Что случилось?

Должность куратора хороша тем, что не требовала особых умений. В том возрасте, в каком мне достались адепты, проблем обычно нет. К последнему курсу иниры и инэры точно знали, как разрешить свои проколы без привлечения вышестоящих.

Но, судя по лицу Васи, знали не до конца.

— У нас происшествие. На зельях.

— Что может произойти на зельях?

— Одна из адепток вашего курса попала в лазарет в очень тяжёлом состоянии. Каким-то образом в котёл попала кислица и вызвала неожиданный эффект.

Непонятно откуда взявшееся беспокойство кольнуло в печень, но я отмахнулся.

Нахмурился, вспоминая "золотой" курс лекарей, прикинул варианты.

— Кто подбросил?

— Куратор Савриу, я не понимаю, о чём вы…

— Мара, я, по-твоему, кто? — усмехнулся, вставая из-за стола. — А они кто? Или будешь доказывать, что адепты-выпускники у нас милые, добрые и пушистые?

Марая вздохнула, и глазом не моргнув на фривольное обращение.

— Они дети, Ареас. И имеют право на ошибки.

— Без проблем, — поднял руки ладонью к ней. — Так кто ошибся так, что едва не убил однокурсницу?

Когда-то Марая Васи была той, ради кого я перерыл дедовскую библиотеку. Искал способ призвать метку Истинности с уверенностью, что она станет той самой.

Правда, потом отвлёкся на служанку, потом вторую, а потом дед отправил меня в столицу, и стало совсем весело.

— Я не знаю.

Врала, по глазам видел. Но не устраивать же допрос из разряда тех, на которых не выживали.

— Допустим.

Потом вытяну, никуда не денется.

Резким, быстрым шагом подошёл к ней, а потом кивнул на дверь. Так мы и вышли в коридор, чтобы отправиться в сторону лазарета.

Ходили байки, что по академии нельзя перемещаться, а проверить самому пока не дошли крылья.

— Кто пострадал?

Только сейчас заметил, что потираю метку, которая заметно холодила кожу. С чего бы это?

Марая с интересом взглянула на рисунок и тут же отвела взгляд. Не стал прятать, зная, что поймёт её смысл разве что один на тысячу.

— Говорила я, не стоило Бакирту проявлять мягкость. Если бы не его идеи, мы бы сейчас не имели то, что…

— Мара!

— Да кто… сам-то как думаешь? Твой же курс. Воистину закинули овечку в драконью стаю.

— А там есть овечки? — хмыкнул.

Невесело, но раз примчалась она, а не ректор, ничего катастрофического не случилось.

— Ареас, ты издеваешься? Я не спорю, благие дела — это хорошо и, возможно, даже где-нибудь зачтётся, но не тогда, когда…

Никогда не любил умных женщин, а эта оказалась даже слишком. Поэтому и болтала вместо того, чтобы ответить

чётко и по делу. Даром что была на десять лет меня старше.

Ладно, сейчас сам увижу. Тем более, мы почти пришли.

Дверь лазарета распахнулась без скрипа и шума.

— Вы куратор?

Симпатичное личико, светлые косы, убранные под чепчик.

— Куратор, — кивнул.

Сейчас не до крошек вроде этой. Возможно, потом…

— Пойдёмте.

— Это не лучшее зрелище для мужчины, — добавила Марая.

— Я первый генерал Иринира. Всерьёз считаешь, что я чего-то не видел? С этими словами я толкнул ближайшую дверь и зашёл в палату. Кровать, тумба, кресло, стойки с зельями и порошками. И бинты, бинты, бинты: частью окровавленные, частью в заживляющей мази. И терпкий аромат жубана, от которого я и так не мог избавиться с того момента, как оказался у инэры Элени.

Сердце против воли замерло, чтобы в следующую секунду застучать втрое быстрее. Руку словно окунули в ледяную прорубь, а до меня, наконец, дошло.

— Я ничего не успела, Ареас, — с сожалением вздохнула Марая за моей спиной.

Пока мой взгляд путешествовал по всей длине густых каштановых волос, свисающих до пола. К безжизненной руке, замотанной бинтами. До лица с огромными оленьими

глазами, которые сейчас были закрыты.

Подозреваю, лекари погрузили её в сон, потому что боль от страшных волдырей, украшающих ещё недавно красивое лицо, должна была быть страшной.

Алека Кацарос оказалась овечкой, хотя ещё ночью вела себя как драконица.

Мельком удивился странному замороженному состоянию, которого не помнил с юных лет.

— Адептка Кацарос выживет, но лицо не восстановится. Слишком сильным был взрыв. Кожные покровы пострадали…

Жестом остановил лекаря.

Шагнул ближе к кровати.

Взгляд искал хоть одно живое место на девушке, которая не должна была пострадать. Адептке, которая предупреждала тогда, когда мне всё казалось игрой.

Сестре, единственной мечтой которой было спасение брата.

Прикрыв на мгновение глаза, повернулся к Марае. Улыбнулся.

Лекарь, наверняка повидавшая многое, и профессор зелий, когда-то живущая в королевском дворце, синхронно отступили на шаг.

А у меня остался только один вопрос.

— Кто?

Глава 8

Ареас

— Кто?

Марая дёрнулась было вперёд, но не рискнула. Открыла рот, но промолчала.

— Куратор Савриу, — пискнула лекарь, — вы…

Поморщившись, свернул крылья. Они снова вылезли без моего участия, повинуясь одному инстинкту. И снова по вине Кацарос.

Вине?

Кто, а эта девочка была виновата только в наличие принципов, характера и благородства.

— Ареас, давай ты сначала успокоишься, а потом…

Усмехнулся. Марая замолчала, словно наткнулась на стену.

Сделал шаг к двери.

— Они дети, Ареас! — Марая схватила за рукав.

С удивлением увидел в глазах когда-то восхищающей женщины страх.

— Она тоже, — не глядя ткнул пальцем в Кацарос.

Вид беззащитной адептки бил по сердцу, ломая рёбра.

Так вот, ты какая, Истинность.

— Ареас, они…

Стряхнул Мараю.

— Не переживай, я никого не убью, — улыбнулся.

Впрочем, это напрягло их ещё больше.

— Они же дети, — издевательски повторил за Мараей.

Повернулся к лекарю.

— Поставить контур, не пускать в палату никого, кроме меня.

— Даже ректора? — пропищала крошка.

— Даже Архилада.

И, наконец, вышел в коридор.

Пока шёл к аудитории, в которой сейчас занимались лекари-выпускники, с трудом сдерживал зуд между лопатками. Дракон рвался наружу, предлагая вместо долгих разборок быстрый бой.

И будь я на десяток лет младше, не справился бы. А так редкие адепты вместе с преподавателями всего лишь отлетали от моего взгляда без помощи всякой магии.

Коридор. Ещё один.

Но я не та девуш… не та адептка, которой стоит помогать. Если Вестник не врёт, то вам надо продержаться год, чтобы не жениться на Кари Тракас. А ваше внимание ко мне… оно никому не поможет. Я и так не самая популярная в академии, а вы сделаете только хуже.

Драконий хвост!

Хуже? Да куда уже!

Перед глазами стояла по-настоящему красивая девушка с умным взглядом. И она никак не накладывалась на обезоб-

раженное лицо Кацарос. Мозг отказывался верить, а я летел по коридорам академии и прикидывал, сколько полномочий могу применить.

Выходило, что мало.

А хотелось всё.

Хмыкнув, дёрнул дверь аудитории.

— …этим травоведение и отличается от других наук. Куратор Савриу?

— Прошу прощения, профессор Атолм. Срочное сообщение для курса. Позволите?

Хотел бы я посмотреть на то, кто откажется.

— Пожалуйста.

Атолм махнул рукой на сильно удивлённых лекарей. Перевёл взгляд на меня.

— До конца лекции не так много, так что я, пожалуй, пойду. Оставляю вас, куратор.

А говорили, Атолм вредный и язвительный. Пока я видел только труса, который понимал в этой жизни гораздо больше туповатых адептов.

Адептов, которые смотрели, как я присаживаюсь на край преподавательского стола, и чувствовали себя в безопасности.

— Куратор Савриу, — едва не облизнулась хищная блондинка, дочь советника Архилада.

Отец у неё действительно с головой, а на дочери природа, похоже, отдохнула.

— Мы так рады вас видеть. Что-то случилось?

И глазами так хлоп-хлоп. Насквозь лживыми, пошлыми и много о чём говорящими.

Впрочем, ошибки ещё никто не отменял.

— Зависит от вас.

И усмехнулся своей фирменной усмешкой. Опёрся ладонями о стол.

Сидящие на первых партах отпрянули. Похвально, значит, не у всех отбило чувство самосохранения.

…выживет, но лицо не восстановится. Слишком сильным был взрыв. Кожные покровы пострадали…

Вон как вскочили, а я всего лишь выпустил крылья. И даже махнул вполсилы, сбрасывая со столов листы и прочие принадлежности.

— Итак, уважаемые адепты, расклад такой. Либо прямо сейчас я узна**ю**, кто предпринял попытку убить адептку Кацарос, либо через час всем курсом вы будете отчислены из Академии высшей знати Иринира.

— Вы не посмеете!

А это кто?

Доллас, очередной сын очередного придворного из тех, которые разбазарили нажитое добро и женились на деньгах.

Высокородные драконы. Честь и гордость Иринира.

— Поспорим? — поднял бровь.

Раз уж споры начинали входить у меня в привычку.

Парень заткнулся и бросил взгляд на остальных.

А я так и сидел, никуда не торопясь. Прикидывал, не шугануть ли их частичной трансформацией. Она, конечно, разрешена только на поле боя из-за специфического вида, который выдержит не каждый, но какая, ко всем драконам, разница.

— Уллин.

Подпрыгнул парень, прижавшийся к подоконнику. Прыгать, что ли, собрался?

— После отчисления будет лишён содержания и отправлен в дальнее поместье отца.

Марая назвала их детьми. Только почему-то не уточнила, что каждый из них так достал высокородных родственников, что им есть, что терять.

— Мальва.

Симпатичная рыжуха в конце аудитории пискнула и вжала голову в плечи.

— Обучение в академии отсрочило помолвку с жирным, но очень богатым купцом из новой знати.

— Беллт… хм, всего лишь разочарует любимого дядю. Который, обладая сложным характером, наверняка запрёт дома до скончания дней. Доллас — лишиться наследства, если там ещё есть что наследовать, в пользу одного из старших братьев. Гривас…

Встретился с вызывающим взглядом блондинки.

Дети? Да Марая, купаясь в роскоши королевского дворца, вела себя скромнее, чем эти.

— Мне озвучить? — поднял бровь.

У половины адептов курса глаза загорелись алчным огнём. Смотрю, каждый хочет узнать чужие секреты. А секреты Гривас — особенно?

Так всех достала?

Блондинка мотнула головой и с силой прикусила губу.

— Не слышу.

— Не надо, куратор Савриу. Я поняла.

Кивнул, потому что ей пришлось бы хуже всех. По давней негласной традиции, самых симпатичных дочерей знати отправляли во дворец для услужения королеве. Но на самом деле, конечно, королю.

И Барба Гривас это знала. Поэтому и сбежала сюда от роскошных нарядов и постоянных приёмов. Всё лучше, чем каждый день ждать, не обратит ли на тебя внимание далеко не тренированный и мягкотелый король.

Вот только Архиладу все эти красотки даром не сдались, но это ведь необязательно озвучивать.

— Три четверти часа, адепты. После которых все ваши кошмары станут явью.

Готов поставить крыло, что зелье Алеки испортила Гривас, но без доказательств ничего не выйдет. Надо, чтобы она призналась сама, и она признается.

А если нет, то отчислю курс ко всем драконам, а Гривас отведу в подвалы. И гори оно всё.

Метка на руке пульсировала холодом.

Надо написать в поместье, пусть пришлют книги. Может, в них и обнаружится что умное.

Свернул крылья, чтобы адептам легче думалось. Кожистые, чёрные и огромные, они вселяли страх одной мыслью, что могли сделать. А мне надо, чтобы у лекарей-выпускников заработал мозг.

— Куратор Савриу, можно вас на минуту?

Беллт. Что, перспектива вечного домашнего ареста так подействовала, что её пробило первой?

Но адептка продолжала выжидающе смотреть и в волнении кусать губы.

— Идём, — кивнул на дверь в коридор, хотя можно было поставить непроницаемую сферу.

Впрочем, Беллт не успела спуститься с вершины аудитории.

— Ну, допустим, это я. И что вы мне сделаете?

Барба Гривас стояла, положив одну руку на талию, и считала себя правой во всём.

— Зачем?

Его величество бы умилился: вместо того, чтобы принять очередные неадекватные меры, я всё ещё разговаривал.

— Потому что сиротке здесь не место, — презрительно фыркнула Гривас, отбрасывая светлую копну волос за спину. — Потому что она убогая, бедная и ничего не стоящая. Потому что вы… — всё-таки запнулась.

Только хвост её в глотку, а не пощады.

— Потому что я что?

Поднявшись, мягко подошёл к Гривас. Улыбнулся.

Тишина в аудитории стояла мёртвая: вряд ли кто-то ещё боялся, скорее, хотели видеть поражение всеобщей королевы.

— Ничего, — буркнула.

И ахнула, когда я схватил за подбородок, заставляя смотреть на себя. Огромными испуганными глазами.

— Вы не можете, — больше прохрипела, чем проговорила.

— Я могу всё, девочка, — усмехнулся.

Обратился ко всем вместе:

— Вы решили, что отсиживаетесь здесь во вседозволенности из-за известных фамилий и титулов? Ошибаетесь, иниры и инэры. Теперь я для вас и закон, и порядок. И карать я тоже буду сам. Так, как посчитаю нужным.

— Ректор Бакирт… — пискнул кто-то.

— Промолчит. Как и всегда.

Перевёл тяжёлый взгляд на Гривас, поистрепавшую свою наглость.

— Так что там со мной, Гривас? И при чём здесь адептка Кацарос?

— Я не буду говорить, — процедила та.

— Не будете? Что же…

Отпустив её, накинул на Гривас заклинание: оно спеленало её по рукам и ногам, приподняло над полом и перемести-

ло вслед за мной к преподавательскому столу.

Я остановился, повернулся лицом к адептам, с Гривас произошло всё то же самое.

— Я не добренький преподаватель, которых вы привыкли не замечать. Не друг, а некоторым даже враг. Не ректор, которому вас жаль. Не ваши родители, которых ограничивают законы королевства и собственной совести. Я — первый генерал Иринира со всеми вытекающими. У меня нет совести, и я вне закона. Судить меня может только король и ещё вопрос, захочет ли.

Обвёл взглядом каждого, заставляя опустить глаза.

— При этом некоторые решили, что я — трофей.

Взгляды адептов скрестились на Гривас. Краем глаза видел, как побледнела и так белокожая адептка.

— И предпочли действовать, забывая, что решаю я.

На адептов было страшно смотреть: они краснели, бледнели и не смели смеяться над опозоренной Гривас, хотя завтра наверняка начнут.

Начали бы, реши я оставить её в академии.

— Так что там с адепткой Кацарос, Барба? Ты хотела сказать, что вместо тебя я обратил внимания на неё?

Казалось, глаза Гривас сейчас вылезут из орбит. И в то же время я стоял достаточно близко, чтобы видеть в них зарождающиеся слёзы.

Жалость? Не для тех, кто считал себя выше остальных.

Гривас замотала головой, насколько позволяло заклина-

ние.

— Повторю один раз, так что можете разнести это по всей академии. Из всех мелких, завистливых и напрочь прогнивших адептов академии только Кацарос и достойна внимания. С этого момента любую угрозу в сторону Кацарос я буду рассматривать не как куратора, а как первый генерал Иринира. И сохрани вас Святые, если я решу, что вы виновны.

Грома и молний не прозвучало, Святые не спустились с небес, а я впервые за последние несколько лет, не считая поля битвы, почувствовал, что поступил правильно.

— Свободны, — усмехнулся.

И в следующее мгновение адепты сорвались с места, едва не вылетая за дверь.

Перевёл взгляд на всё ещё беспомощную адептку.

— А вас, Гривас, я попрошу остаться.

Глава 9

Ареас

Изменив заклинание, заставил Гривас опуститься на пол.

— Нам предстоит ещё одно дело, пока ещё адептка.

И подтолкнул её в сторону выхода. Только Гривас не носила бы своей фамилии, окажись она простушкой.

— Ареас, — выдохнула, разворачиваясь.

Вот это я понимаю наглость. Но Гривас просчиталась, рассчитывая, что собственное имя меня смутит.

— Да, я влюбилась. Разве это преступление?

Огромные голубые глаза смотрели с мольбой и тайной страстью. В последнее ещё верилось, в первое — ни разу.

— Разве мало инэр, которые мечтали получить хотя бы намёк, что ты… вы…

Смутилась, покраснела, опустила глаза.

Сразу сказать ей, что такие фокусы на меня давно не действовали или подождать конца представления?

— А здесь куратор. Наш куратор! И я не выдержала… не смогла… А Алека…

И всё было хорошо, пока она не произнесла это имя.

Да, бешенство теснило грудь, требовало выхода и мешало дышать, но с этим можно было смириться. С этим, но не именем Кацарос.

— Куратор Савриу, — пропищала Гривас, разом забывая

про все соблазнительные штучки.

Вовремя.

Я почти забыл, каково это, когда срывало. Со времён бесшабашной юности прошло так много времени, что я не ожидал вспомнить прежние ощущения вот так. И меньше всего, что их вызовет девчонка, с которой меня по случайности связало меткой.

Поэтому выдохнул и отстранился от Гривас, прекращая вжимать её в стену. За горло.

— За мной, — скомандовал хрипло.

И, отвернувшись от Гривас, вышел в коридор. Не стал проверять, идёт она за мной или нет. У неё просто не осталось выбора.

Легко соперничать с недалёкими адептами, оставаясь первой. Ровно до момента, пока не встречаешь настоящего соперника.

И эту мысль стоило обдумать, но метка туманила разум и предлагала… да много всего. Только от закона в этом "всего" — капля. А я всё-таки не настолько сошёл с ума, чтобы всерьёз бороться с этой инэрой.

С другой стороны — это не помешало ей изуродовать Кацарос.

Дойдя до лазарета, открыл дверь, пропустил вперёд Гривас. И проделал тоже с дверью палаты.

— Святые, — выдохнула Гривас. — Я не хочу. Пустите!

Схватив в охапку, забросил её в палату и закрыл за со-

бой дверь. Для надёжности — замкнул магический контур, слишком сильный даже для ректора, не говоря о недовыпускнице лекарей.

— Я не собираюсь…

Я тоже. Поэтому схватил за плечо и развернул в сторону Кацарос. Благо, та ещё спала и не обращала ни на что внимания.

— Смотри на дело рук своих.

Убил бы. Но мало того что я военный, который не готов уничтожать "детей", так ещё и это драконье кураторство.

— Я не хочу, — выдавила Гривас.

Попробовала отвернуться, но и на этот случай имелось полезное заклинание.

— Вы унизили меня, — выдавила она.

— Скажи спасибо, что не убил, — усмехнулся.

— Да из-за кого? Какой-то вшивой сиротки-стипендиатке? Она всё равно ничего и никогда не добьётся! — выплюнула Гривас. Но глаза от Кацарос уже не отводила. — Не в наше время. Сейчас важны деньги и связи, а не таланты и доброта.

Судя по тону, для Гривас последнее было чуть ли не оскорблением.

— Что же, адептка Гривас, — нехорошо хмыкнул.

А потом дёрнул её на себя, разворачивая лицом к лицу. Она же хотела… чего там? Обратить внимание? Так ей это удалось, пусть теперь не жалуется.

— Сейчас вы выйдите из лазарета и направитесь прямо к ректору. Там вы напишите заявление на отчисление по личным причинам. И упаси Святые вам свернуть с этой дорожки.

Гривас смотрела затравленно, с широко раскрытыми глазами.

— После этого вы соберёте вещи и до завтрака исчезнете из академии. В течение следующего дня вы откроете счёт на имя Алеки Кацарос в Королевском банке и перечислите ей сумму своего годового содержания.

Гривас всхлипнула. Как и многие до неё сломалась под действием моей власти.

— Но у меня нет…

— Попросите у инира Гривас. Объясните, что в противном случае я посещу вас с визитом, и ничего дружеского в нём не будет. И только после всего этого начнёте молиться, чтобы моя ярость унялась достаточно, чтобы я не вернулся к вам. Со всем моим вниманием.

Гривас тряслась в руках, о которых, по собственным словам, так мечтала.

— Тебе ясно, Гривас? — рыкнул.

И холёная блондинка, до этого носящая неофициальное звание королевы академии, мелко закивала. Из её груди вырвалось сдавленное рыдание.

— Я всё сделаю. Только от-тпустите. Пожалуйста.

Прикрыв на мгновение глаза, разжал пальцы.

Быстрые шаги, громкий хлопок двери.

Святые, а ведь я в самом деле мог её убить.

Влияла ли сама Кацарос со своим невыносимым характером и гордым взглядом или это магическая метка на запястье, но факт оставался фактом — убивать хотелось больше, чем воспитывать.

Выдохнув, резким движением подтянул к себе стул, развернул спинкой вперёд и сел. Взгляд сам собой блуждал по красивым чертам лица, которые проступали сквозь красно-розовое нечто.

Мара сказала, Кацарос досталось зелье удачи. И только она из всего курса смогла бы сварить его правильно.

Но вместо этого оказалась здесь.

Прикрыв глаза, сам не понял, как ладонь накрыла прохладные пальцы адептки, самой запретной из всех.

Если бы был хоть один шанс помочь ей, гордой девочке по уши в проблемах, я бы вывернулся наизнанку. Но лекари в один голос твердили, что лицо не восстановить. И впервые за всё время я верил этим известным перестраховщикам.

Верил и чувствовал, как глухое, какое-то отчаянное чувство оплетало сердце и мешало дышать.

Метка нагрелась, но что могла какая-то древняя легенда по сравнению с реальностью.

Впрочем, хоть чем-то я смогу ей помочь. И для начала поместить брата в нормальные условия вместо старой, продуваемой ветрами комнаты. Но это потом, а пока можно оста-

новиться и подумать.

Впрочем, ненадолго.

Потому что запястье не просто грело, его будто в печь засунули. И это уже становилось странным.

Настолько, что я открыл глаза, удивляясь свечению, которое было видно даже через манжету.

А потом началась настоящая магия.

***

Почему-то никак не хотели открываться глаза.

И вроде я проснулась, чувствовала себя отлично, но глаза оставались закрытыми. Как будто Барба склеила не волосы, а веки, и от одной мысли об этом меня бросило в холодный пот.

Не может быть, чтобы она снова рискнула!

Хотя, вспоминая, что Гривас фактически считала Савриу своим, а его дурацкие "крошка" и прочий бред намекали, что между нами не всё так просто — могла и попробовать.

— Леший!

Голос звучал непривычно хрипло. Впрочем, после сна в этом не было ничего удивительного.

Пахло… хм. Стойкий, резкий, с хвойными нотами аромат жубана стоял в носу и не желал никуда деваться.

Раз я не могла открыть глаза, пошарила руками вокруг себя. Одеяло было не моим, простынь тоже. Слишком гладкие, но в то же время жёсткие они навевали мысли о… лазарете?

Святые! Что я делала у лекарей?

Страх ледяной рукой сжал сердце, я захлебнулась вдохом.

Спокойно. Я в лазарете. Наверное, всё-таки обожглась на зельях, вот и лечили от ожогов. Ничего страшного не произошло.

С трудом, но мне всё-таки удалось успокоиться. Сильно напрягало ощущать себя без зрения, но и с этим можно было думать. Главное, чтобы глаза оказались на месте.

Но это я наверняка бы заметила. А пока села в кровати, а потом и аккуратно свесила ноги.

Всё слушалось, и это не могло не радовать.

Нашарив мягкие тапки, я засунула в них ноги. Вставать почему-то было страшно, хотя поводов не наблюдалось.

Перед тем, как перенести вес на ноги, я уняла волнительную дрожь и решительно выдохнула.

И встала. Перекатилась с пятки на носок и обратно.

Улыбнулась, понимая, что все мои страхи оказались беспочвенными. Правда, сделать шаг не успела.

— Не сидится тебе на месте, Кацарос, — щекотно вздохнули в ухо, а наглая рука скользнула на талию.

Испуганно ахнула, хотя точно знала, чьи это руки и всё остальное.

— Пустите.

Упёрлась руками ему в грудь, но кому это.

— Это самая частая фраза, которую ты мне говоришь, — хмыкнул Савриу.

— А вы не слушаете, — покачала головой.

Вдохнула и вдруг окунулась в аромат власти, силы и огня. Святые! Я понятие не имела, как всё это пахло, но сейчас почему-то ощущала именно их.

Я схожу с ума?

— Никогда не слушал глупые просьбы.

Против воли вспыхнула. Этот инир всё время выводил меня из равновесия.

— Это я глупая?

— Это просьба нелогичная. Ты ничего не видишь, но готова убиться о дворе, но не принять помощь. Чем я тебе так не нравлюсь, Кацарос?

Вопрос явно с подвохом, потому я его проигнорировала.

— Что со мной случилось?

Я всё ещё ничего не видела, но воздух в палате будто бы стал напряжённее. Предгрозовым и мрачным.

— Адептка Гривас подбросила в твой котёл с зельем удачи кислицу, что вызвало взрыв. К счастью, всё обошлось.

Примерно представляя, какой эффект могло вызвать сочетание кислицы с зельем, я ему не поверила. Обошлось? Да меня должно было разорвать на много маленьких Алек.

— Я лишилась глаз, да?

Голос звучал спокойно и твёрдо. Правда, дрогнул под конец, но это мелочи по сравнению с бурей, что бушевала внутри.

— Нет, глаз ты не лишилась. Давай ты не будешь придумывать страшилки, а просто дождёшься выздоровления?

Проводить в уборную? — спросил без перехода.

И пусть голос звучал насмешливо и это явно была шутка, я всё равно вспыхнула до корней волос.

— Обойдусь, — буркнула.

Но всё-таки приняла помощь Савриу, подавляя весь внутренний протест, чтобы дойти до нужной двери. Хотелось не столько по неотложным нуждам, сколько ощупать себя со всех сторон. Но не на глазах Савриу же!

Впрочем, ничего нового, кроме повязки на глазах, я не нашла. Разве что кожа на руках, лице и шее казалась подозрительно гладкой и бархатистой, у меня никогда такой не было. Впрочем, может, я просто обожгла подушечки пальцев, и всё это мне привиделось.

— Закончила? — встретил меня насмешливый голос.

И готова спорить, что Савриу имел в виду не естественные нужды.

— Сколько я провела в лазарете?

— Недостаточно.

Я собиралась обойтись без помощи, но он, как обычно, не спрашивал, подхватывая меня под руку и отпустив только после того, как я села на край кровати.

— Зелье обожгло тебе глаза, поэтому ещё пару дней придётся походить в повязке. В остальном ты совершенно здорова.

Здорова. Что-то в этом слове чувствовалось фальшивым. Но зачем Савриу врать, если через пару дней я сама всё уви-

жу? Незачем. А, значит, это у меня в голове помутилось на фоне травмы.

— А почему вы здесь?

Конечно, наша группа единственная, кому досталась такая редкость, как куратор, но что-то подсказывало, что торчать в лазарете ему совсем необязательно.

А в случае Савриу не особо и хочется.

Впрочем, он не спешил подтверждать или опровергать мои догадки.

— Как себя чувствуешь?

— Хорошо. Могу я идти к себе?

— Кацарос, угомонись, иначе я привяжу тебя к кровати, — хмыкнул Савриу. — Сегодня ты остаёшься здесь, но если будешь хорошо себя вести, то завтра у тебя появятся варианты.

— Варианты чего? — спросила осторожно.

— Местожительства.

— А какие могут быть варианты?

Потому что в моей голове их была два: палата лазарета или моя комната в общежитие. И тем страшнее, что Савриу явно имел в виду не только их.

— Ты можешь переехать ко мне, — просто ответил он.

А я… я схватилась за горло и просипела:

— Что?

Глава 10

— Почему нет? Или ты предпочитаешь жить в старой обшарпанной и тесной комнатёнке вместо нормального жилья?

Воздуха не хватало. Кажется, взрыв навредил не только мне. Может, через треклятую метку и ему передалось… что-нибудь. По голове там ударило или ещё что.

— Вы с ума сошли, — просипела.

— Кацарос, ещё одно слово о моём сумасшествии, и мы вместе пойдём к лекарю. За подтверждением.

— Да с чего вы… как вы вообще могли о таком думать? Чтобы я взяла и переехала к вам? Да зачем?! И откуда у вас подобные фантазии…

— О моих фантазиях мы поговорим как-нибудь потом.

Вот что за чел… драк… инир! Всё выворачивает так, что жар моментально захватывает щёки и шею.

И это мне ничего не видно, а он наверняка оценил все мои реакции.

— Кацарос, а ты о чём подумала?

Словно наяву вижу усмешку и особый, только его прищур.

Задохнулась повторно, потому что лучше думать, чем озвучивать вслух.

— Мне даже интересно, — протянул он.

Ножки стула проскребли по полу, скрипнул стул.

А я отпрянула, чувствуя дыхание на своём лице.

Показалось? Сквозняк?

— Я — куратор, Кацарос. Вашей, драконий хвост, группы недолекарей. Мне уставом положено следить за состоянием своих подопечных. Особенно после таких случаев. И чтобы ты знала, в комнатах куратора имеются два свободных, полностью меблированных помещения. По первости там жили особо отличившиеся адепты, потом традицию забыли, а надобность в кураторах отпала, но комнаты остались. Так что возвращаемся к вопросу: о чём ты там подумала?

— Ни о чём, — буркнула под нос.

— А если подробнее? — продолжил издеваться Савриу.

И словно бы невзначай накрыл ладонью мои пальцы. Той руки, где на запястье красовалась метка, если её, конечно, не разъело зельем удачи.

Вот была бы удача!

Но, похоже, не по мою честь. Потому что запястье враз нагрелось, словно сверху приложили грелку, а от него по руке и дальше поползли волнительные мурашки, рождая внутри странные ощущения. Очень странные! Будто кто щекотал изнутри, попутно подогревая кровь на самом медленном, но уверенном огне.

Стало жарко.

Я попыталась выдернуть руку, но это же Савриу — самый упёртый дракон в Иринире! Поэтому потянулась другой рукой, приложила её ко лбу.

— Температура? — заботливо поинтересовался Савриу.

Вот только я была уверена, что всё он понимал. Больше того — действовал мне назло, лишь бы вывести из равновесия — уж не знаю, зачем оно ему сдалось.

— Что скажет его величество, когда узнает, что вы поселили под боком адептку? — попыталась надавить на больное.

— Что я ответственно исполняю свои обязанности, Кацарос. Ещё аргументы?

— Да не буду я с вами жить!

— Не со мной, а рядом. Это большая разница, Кацарос.

Точно издевался. Если поначалу я сомневалась, то сейчас точно слышала это в голосе и движениях — может, я ничего не видела, но лёгкие поглаживания тыльной стороны ладони чувствовала отчётливо.

— Совершенно никакой, — отрезала я и всё-таки выдернула пальцы. — Вы…

— Отвратительный?

Прикусила губу.

Да, тогда я ляпнула, не подумав, на эмоциях, которые регулярно хватали через край в присутствии Савриу. Сейчас, несмотря на общее, отдающее издевкой, веселье куратора, я была ему благодарна. Совсем чуть-чуть, но тем не менее.

Всё же окажись я в тишине и одиночестве, без намёка на зрение, ощущала бы себя гораздо хуже. И вряд ли так легко смогла бы подавить страх.

— Простите, инир Савриу, — наконец, ответила ему. —

Я была не права.

Но тут же быстро добавила:

— Впрочем, это не отменяет слов, сказанных мною у ворот академии. Ваше внимание действительно лишнее, оно уже…

И тут меня осенило.

— Это ведь из-за вас, да? — помрачнела я. — Барба решилась на кислицу.

Савриу промолчал, но вздохнул очень красноречиво.

— Я же говорила, — вздохнула в ответ, качая головой.

Злости на Савриу почему-то не было. В конце концов, Барба ненавидела меня и до этого, так что подобное было вопросом времени. Зато становилось понятно, почему он со мной возится, ведь несмотря на ворох недостатков, ответственности Савриу и правда не занимать.

Первый генерал — это не просто звание, отягощённое кабинетной работой и частыми пирами с первыми лицами королевства. Я читала в газетах и библиотеке о том, как Савриу выигрывал изначально провальные битвы и спасал сотни магов — своих и противника, хотя более кровавый путь был проще и быстрее.

Пусть он не сдерживал желаний, которые стоило бы сдерживать, но благородства у Савриу не отнять. И именно это благородство заставляло его нянчиться со мной сейчас и предлагать какие-то там комнаты.

Фух. Даже дышать стало легче, ведь я подумала…

А о том, что я подумала, я думать больше не буду.

— Послушайте, — я улыбнулась, но леший его знает, как выглядела в этот момент, — вы не обязаны со мной возиться. Я очень благодарна вам за заботу, и мне очень жаль, что я стала причиной метки. Уверена, она не помешает вам жить по-прежнему, после того как закончится ваш… спор. Но это вовсе не означает, что вы должны… правда, всё нормально. Давайте сделаем вид, что ничего не было и каждый вернётся к своей жизни.

Слова были правильные и уверенные. Я верила в то, что говорила. А, учитывая, что до меня, наконец, дошли причины его поступков, на душе стало легко и радостно.

Савриу просто не мог не спасти меня в ту ночь. И чувствовал себя ответственным за бедовую адептку.

Он до последнего не хотел спасать меня снова — на этот раз поцелуем, но моя упёртость заставила. Не мог же он дать мне умереть от боли.

Да даже тот случай, когда он зажал меня в тёмном угле в первую ночь в академии — да, распустил руки, но при этом спас волосы, даже не задумываясь.

Вот только молчание в палате царило какое-то… даже не знаю. Словно я повредила не только глаза, но и голову.

И мрачный, с оттенком сарказма голос это только подтвердил.

— То есть всё настолько плохо, да, Кацарос?

Растерялась. Нет, это совершенно невозможно!

Говорить серьёзно с этим драконом невозможно! Особенно если дороги нервы.

Но это же я. Может, он просто неправильно меня понял?

— Куратор Савриу, я читала о ваших подвигах. Вы благородный и ответственный инир и привыкли брать на себя заботу о подопечных. Вот и я случайно подвернулась вам под руку. Простите, что заставила вас спасать себя. Я больше не буду.

Улыбнулась, вспоминая, как то же самое говорил Ник. Ещё до болезни.

— Но комнаты — это правда лишнее. Я справлюсь. Тем более, я знаю академию как свои пять… ай!

Решив доказать, что обойдусь без зрения, резко поднялась, запнулась ногой за стул, который оказался гораздо ближе, чем ожидалось, а следом влетела в гостеприимные объятия Савриу, попутно оцарапавшись щекой о металлические нашивки.

— Ладно, Кацарос. Леший с тобой. Пусть будет благородство.

Звучало странно, и я бы выяснила, что он имел в виду.

Но Савриу коснулся моей щеки.

Предательский выдох вырвался из груди, стоило почувствовать на лице длинные, сильные пальцы куратора. Рёбра сдавило, сердце билось как сумасшедшее.

— Придётся менять мундир на сюртук, — хрипло хмыкнул Савриу.

Его голос прошёл вибрацией по моим напряжённым нервам.

— Ты слишком часто об него калечишься.

Да?

Да какая разница, если всё моё существо сейчас собралось в той точке, где прохладные пальцы, нежно, но уверенно поглаживали щёку.

— Н-не надо.

Я неосознанно вцепилась в отвороты мундира, пытаясь удержаться на ногах и рискуя снова что-нибудь поцарапать.

Голова кружилась, хотя до этого я чувствовала себя совершенно здоровой.

— Что не надо, Кацарос?

Говорить. Касаться.

Ничего не надо.

Это всё рождало слишком острые, слишком странные ощущения, которые я не могла контролировать. А должна была! Потому что только контроль спасал меня во всех жизненных перипетиях нашей с Никосом жизни.

Только Савриу и контроль — слова несовместимые в одном предложении.

— Алека…

Я не столько услышала, сколько почувствовала своё имя на губах.

Судорожно сглотнула, приоткрыла губы, не понимая, что происходит и как этого избежать.

Вздрогнула, когда другая его рука отпустила талию и скользнула к повязке, потянула. Чуть шершавая накрахмаленная ткань сползла с глаз и с тихим шелестом упала на пол.

А я поняла, что сейчас произойдёт что-то катастрофическое и непоправимое.

Зажмурилась. Почувствовала горячее дыхание на своих губах…

— Ареас!

— Чтоб тебя… снова король полюбил! — прорычал Савриу.

— А вот угрожать не надо, — раздался насмешливый голос… профессора Васи?

Преподавательницы по зельям, которая… подождите, она что, назвала Савриу по имени? Да ещё и так фамильярно.

Словно они знакомы.

Давно.

Близко?

Леший! Мне-то какое дело!

Рукой нащупав край кровати, опустилась на него. В конце концов, личные отношения преподавателей должны волновать меня меньше всего. Гораздо важнее, что теперь я лишилась возможности подрабатывать в лавке, а Никосу вот-вот понадобится жубан.

И далеко не факт, что Актеон после стольких прогулов захочет поделиться растением.

Меня бросило в холодный пот.

И что я скажу Элени? А Никосу, когда его начнёт корёжить от боли?

При одной только мысли о беспомощности и отчаянии, которые я испытала, глядя, как брат в припадке извивался в заброшенном, продуваемом сквозняками доме, куда мы забрались, чтобы была хотя б крыша над головой, по коже прошла изморозь.

Я передёрнула плечами, хотя в палате было более чем тепло.

— Мара, иди… куда-нибудь, — рыкнул Савриу, заставляя вспомнить, что я не одна.

Мара.

Быстрее, чем успела подумать, поймала себя на кривой, какой-то понимающей усмешке.

И что я там понимала? Даже думать не хочу!

Потянувшись, потёрла метку. Только сейчас заметила, что она пульсировала жаром и, похоже, что всё время нашего разговора с Савриу. Интересно, он чувствовал то же самое?

Впрочем, неинтересно.

Надо уже спросить, как избавиться от метки.

Хлопнула дверь, Марая Васи вышла из палаты. А у меня не осталось ни единого воспоминания об их разговоре. Пропустила, утопая в собственных проблемах.

— Барба Гривас отчислена, — вдруг сообщил Савриу. — Без права восстановления.

Что?

Невольно вскинула глаза на предполагаемое место, где должен стоять Савриу. Но вместо насмешливого инира увидела только размытый силуэт. Моргнула, смахивая выступившие слёзы.

— Как?

Из академии высшей знати не отчисляли. По крайней мере, не высокородных драконов и дракониц.

— Приказом ректора.

Савриу стал слишком лаконичным. И, кажется, хотел что-то сказать, но передумал. Не знаю, как я это поняла, но сомнений не осталось — Савриу точно что-то недоговаривал.

— Тебе вынесены извинения на общем собрании, плюс академия назначила компенсацию… за моральный ущерб.

Какой ещё ущерб? Никогда, ни разу за всю историю академии сироткам не перепадало… да хоть что-нибудь. Что-нибудь, кроме тычков, оскорблений и издевательств.

— Они переведены на твой счёт в Королевском банке. Ознакомишься, когда пойдёшь в город. Только не ночью, Кацарос! — со смешком добавил он. — А если ночью, то только в моей отвратительной компании.

Нет, он точно издевался. Не могло быть, что ректор решился не просто ввести стипендию, за которую ему не раз и не два высказывали, а наказать высокородную инэру, да ещё и компенсация…

Мир точно сошёл с ума, пока я лежала без сознания.

— Ваша компания не отвратительная, — вздохнула.

Потому что так оно и было. Да и метка не просто пульсировала, хоть и не так сильно, как раньше, а вдобавок тянула в одну определённую сторону. Подозреваю — туда, где стоял Савриу.

— У нас явный прогресс, — хмыкнул тот. — Ещё чуть-чуть и до общих комнат дойдём.

— Ни за что! — выпалила быстрее, чем подумала.

Впрочем, это было моё нормальное состояние рядом с ним.

— И, вообще, мне пора идти. Занятия, домашние работы. Мне нельзя пропускать.

— Ты ничего не видишь, Кацарос. Если вдруг забыла.

— Ну и что. Пусть я не вижу, но слух работает нормально. Вполне можно посидеть на лекциях и… ах!

— Достало, — отрезал Савриу.

И всё бы ничего, если бы перед этим он не подхватил меня на руки.

— Не хочешь лазарет? Прекрасно, обойдёмся без него. Я же благородный, — с явной издёвкой хмыкнул Савриу.

И под аккомпанемент моих брыканий понёс меня… куда-то.

Глава 11

Хотя стоило догадаться куда, да?

— Стоять, Кацарос, и бояться, — приказал Савриу, опуская меня на ноги.

Новую повязку мне так никто и не надел, так что размытые очертания мебели я видела. И понимала, что огромная гостиная не похожа ни на одну комнату в общежитие.

— Куратор Савриу! — произнесла с укоризной.

— Ареас, — отрезал этот… инир. — Или моё имя тебе тоже отвратительно?

Да нет. Имя как имя. Просто надо откашляться после того, как подавилась воздухом от таких разрешений. Ещё желательно бы подумать, куда заведёт Савриу чрезмерное благородство по отношению к бедной сиротке в моём лице. Но почему-то от одной мысли об этом становилось страшно.

Страшно неуютно.

Ешё и метка никак не успокаивалась, вдобавок ко всему начиная посылать мурашки по всему телу.

— Послушайте, а эта метка… её можно как-то убрать?

На гостиную опустилась тревожная тишина. В смысле, что я чувствовала себя тревожно, ощущая, как сгущаются тучи над одной маленькой мной.

И что не так-то? Савриу ведь не скажет, будет ходить и благородно мучиться. Так что лучше чётко обозначить, я

очень даже “за” избавиться от такого украшения.

А мысль о том, что весь такой благородный, он почему-то не спешил мучиться, облагодетельствуя своих многочисленных пассий брачным браслетом, как-то ускользнула от сознания.

— Нельзя.

Да не может этого быть!

— Вы уверены?

Силуэт приблизился, но обнимать меня Савриу не спешил.

— Абсолютно. Истинность — это не насморк, Кацарос. Примочки и микстуры не помогут.

— Нет, — уверенно качнула головой. — Так не бывает. Любую магию можно отменить. И метку можно, просто вы пока не знаете как.

— Кацарос, оторвись от метки, — недовольно рыкнул Савриу. — Есть новости поинтереснее.

— Что может быть интереснее нашего взаимного освобождения? — искренне удивилась. — Не хватало вам ещё быть связанным с какой-то там сироткой. Ладно бы ещё жениться на высокородной инэре, как профессор Васи…

Понимая, что меня несёт куда-то не туда, свернула разговор.

— В общем, способ наверняка есть. Просто вам некогда было его искать…

Чуть не добавила: “... пока вы развлекались в столице”.

— …пока вы воевали.

Смущённо откашлялась. Силуэт на мгновение обрёл чёткость, являя очень недовольного, со злым прищуром, Савриу, скрестившего руки на груди.

— Эм… ну, я пойду.

— Кацарос, если ты не угомонишься, я женюсь на тебе.

Вот это я понимаю угроза.

Осталось понять, почему так ёкнуло в груди, но это наверняка последствия взрыва на зельях.

— Спасибо, не надо, — парировала дрогнувшим голосом.

И даже попятилась.

— Вам нельзя, у вас спор, — добавила.

И отступила ещё.

Глаза ужасно слезились, но я терпела. И жжение терпела, хотя, наверное, Савриу прав, и стоило бы подольше остаться в лазарете. Не хотелось бы остаться без зрения насовсем. Впрочем, кое-что я уже видела, но не считать же размытые силуэты нормой.

— Что с тобой?

— Жжёт, — выдохнула я.

Только стоило ему приблизиться, и стало только хуже — помимо проблем с глазами прибавилась проснувшаяся метка. И очнулась она не только у меня — сквозь слёзы я видела, как светится вязь на его руке.

Никогда я ещё не чувствовала себя настолько хорошо и плохо одновременно. Словно меня разрывало изнутри на две

части, одна из которых радовалась метке и тому, на ком она, а другая — сознательная предрекала, что ничем хорошим это не закончится.

И была права.

Мир вокруг вдруг разорвался резкой болью, я вскрикнула. А в следующий момент отшатнулась от яркого света и глаз цвета расплавленного серебра, которые снова оказались слишком близко.

— Я вижу! — прохрипела, ударяясь спиной о дверь. — Вижу.

А не надо было так резво отшатываться от Савриу.

Впрочем, создалось впечатление, что его эта новость не так чтобы порадовала.

— Поздравляю, Кацарос, — усмехнулся он.

И отошёл, так что я наконец-то смогла вдохнуть полной грудью. Стёрла слёзы со щёк и порадовалась, что теперь мне не обязательно находиться рядом с куратором.

— Спасибо.

Но уйти так просто не смогла.

— Я пойду?

Голос звучал странно: просительно и слабо. И с одной стороны, мне не привыкать опускать глаза и вести себя как служанка в присутствии иниров и инэр, но с другой — Савриу единственный, кто за всё время ни разу даже не намекнул на своё, значительно более высокое положение.

Остановившись у обеденного стола, Савриу развернулся

и присел на его край, упираясь ладонями по обе стороны. В большой, богато обставленной гостиной с коврами, картинами и камином он выглядел подозрительно расслабленным. А закатанные рукава рубашки только добавляли эффекта.

— Иди.

Угум. Только я не двинулась с места. Насмешливый, какой-то изучающий взгляд Савриу слово приковал, не позволяя сдвинуться.

— Иду.

Что-то заставляло стоять с крепко сцепленными пальцами и смотреть.

— Ты всё-таки решила остаться? — поднял он бровь.

Проигнорировала намёк.

— Что за новости поинтереснее, о которых вы говорили? Что-то произошло?

— Ничего, адептка. Раз у вас восстановилось зрение, можете быть свободны.

“Адептка” и “вы” резануло слух, настолько я привыкла к своей фамилии и наглости этого дракона.

— И всё же, — подняла взгляд, только сейчас замечая, что в волнении кусаю губы.

— И всё же я делаю вывод, что вы хотите остаться.

Савриу оторвался от стола и тягуче, как-то по хищному приблизился. Все мои инстинкты вопили, что надо бежать, но я стояла, как приклеенная, даже когда его пальцы приподняли моё лицо за подбородок, а большой палец огладил

нижнюю губу.

Ещё и предательская метка среагировала на приближение Савриу, отзываясь сладкой, горячей пульсацией.

— Но боитесь признаться в этом даже себе. Да, Кацарос?

Последние слова он насмешливо произнёс совсем рядом с ухом, практически касаясь его губами.

— Нет, — сцепила зубы. — Новости.

— Новости? — хмыкнул Савриу. — Их вы узнаете, как только выйдете из этой гостиной.

Голова снова закружилась — кажется, меня не долечили в лазарете. Ну ничего, справлюсь сама. Главное, держать себя в руках и…

— Ах! — вздохнула испуганно, оказываясь прижатой к твёрдому телу.

Слишком резко, слишком нагло. Впрочем, как и всё, что делал Савриу. И ему трижды плевать, что он как б куратор, а я адептка.

Впрочем, стоило вспомнить об этом гораздо раньше. В тот момент, когда он оказался на кухне Элени.

— Последний шанс, Кацарос, — пропел он, гипнотизируя взглядом.

Краем глаза заметила тени за его спиной, словно бы… формирующиеся в крылья? Нет, показалось.

— Последний шанс на что?

— На то чтобы уйти, — снисходительно усмехнулся Савриу. — Или остаться. Но на этот раз фокус с раздельны-

ми спальнями не пройдёт. Ты останешься, но со мной. По-взрослому, Кацарос.

Грудь тяжело поднималась и опадала, дыхания не хватало, по венам тёк расплавленный металл, а кожа зудела, казалось, везде. Сердце того и гляди грозило сломать рёбра и вырваться наружу. И во всём этом была виновата драконья метка!

Но смысл его слов, одно только понимание, что он предлагает, отрезвило лучше холодного душа.

С ним?

По-взрослому?

Савриу с ума сошёл?!

В этот раз я не стала отшатываться и дёргаться. Задержав дыхание на несколько долгих мгновений, я накрыла его руку ладонью, холодно улыбнулась, а потом медленно отошла. В этот раз без страха и нервов, тщательно контролируя каждое своё движение.

Чтобы не дать себе даже шанса споткнуться и снова оказаться в его руках.

— Всего доброго, куратора Савриу. Спасибо за помощь.

— Удачи, адептка. Она вам пригодится.

И что-то такое слышалось в его словах, что не принесёт мне ничего, кроме новых неприятностей. Но это было уже неважно.

Слишком далеко зашло наше странное общение. Настолько, что он позволил себе делать такие предложения, понимая, что всё, что мне светит — это роль фаворитки первого

генерала Иринира. Зная, что я тоже это понимала.

Но если Савриу не привыкать к подобным отношениям, то я…

Мне не до романтики. Не тогда, когда я в шаге оттого, чтобы вылечить Ника.

Бросив последний взгляд на Савриу, не говоря больше ни слова, я вышла и аккуратно закрыла за собой дверь.

Чтобы ни Савриу, ни кто другой не увидели как, пройдя два поворота, я привалилась спиной к стене, прижимая дрожащие ладони к щекам. Пытаясь хоть как-то привести себя в обычное состояние. И спустя несколько минут мне это удалось. Так, что хватило дойти до собственной комнаты, сесть за стол и вспомнить, что я пропустила завтрак.

Самое время пообедать и хоть так успокоить дрожь внутри. Поэтому я, не торопясь, собралась и вышла из комнаты.

Чтобы потом ещё долго проклинать этот день, эту идею и даже своё поступление.

Глава 12

А как безобидно всё началось.

Стоило мне выйти из комнаты, как я сразу же наткнулась на враждебные, презрительные взгляды адептов. В общем-то, неудивительно, учитывая, что из-за меня впервые наказали благородную инэру. И не просто наказали, а отчислили без права восстановления, а академию заставили выплатить компенсацию.

И все прекрасно знали, что всё это устроил не кто иной, как Ареас Савриу.

Он мог сколько угодно прикрываться кураторством, справедливостью и честью, теперь это не имело никакого значения. В академии высшей знати адепты слишком хорошо знали, что ничего не бывает просто так. А если у чего-то есть логичное объяснение, то так даже хуже — ведь это значило, что копать нужно глубже, в поисках запретного и непристойного.

А долго ли гадать, по каким причинам Савриу заступился за адептку академии.

Савриу — обладающий сложившейся, подтвержденной десятки раз репутацией вседозволенности. За не просто адептку, а бедную, несчастную сиротку без денег, связей и хоть каких-либо причин сказать ему “нет”.

Поэтому, идя до столовой, я жалела только о том, что не

догадалась раньше. И не соотнесла слова Савриу с действительностью, которая встретит меня за пределами его комнат.

Высоко подняв голову, я не обращала внимания ни на противные смешки, ни на шёпот, ни на откровенные, грязные слова, которые пару раз раздались мне вслед.

Ни единой слезинки и даже намёка на них не появилось в моих глазах. Не дождутся. А осанке могли позавидовать самые высокородные инэры королевского двора.

В конце концов, какое мне дело, если все эти драконы и драконицы предпочитают думать чужими словами. С радостью перевирая и искажая реальность.

Осталось только унять дрожь, которая новой волной поднялась внутри, разделённая пополам обидой и яростью, какой я не испытывала ещё ни разу в жизни.

В висках били ритмичные молоточки, а затылок горячо пульсировал. Стыд, смущение, злость, желание ответить на оскорбление — всё это я затолкала в самый дальний угол сознания. Отложила на потом, вступая в столовую с достоинством, присущим королеве.

Только академия высшей знати слишком долго определяла статус адептов именем, а не мозгами.

И я вступала в двустворчатые, широко открытые двери, практически не глядя под ноги. В этой академии я знала каждую трещинку в каменном полу и стенах, каждую выбоину и не боялась упасть.

Но не знала, как далеко могли зайти те, чьё самолюбие

затоптал тот, кто априори сильнее. И как сильно они хотели отыграться.

Шумный зал столовой встретил привычным гамом, стуком столовых приборов и редкими взрывами смеха. Оглядевшись, увидела свободный стол почти у раздачи — он всегда оставался свободным, так как был самым неудобным. Отходящие адепты волей-неволей задевали сидящих за ним, а никому не нравится, когда тебя всё время подталкивают.

Но я не собиралась рассиживаться, поэтому сделала шаг от дверей, задумчиво прикидывая, что на десять минут меня хватит, а потом стоило бы наведаться в библиотеку. Там всегда тихо, да и надо сдать книги, чтобы не случилось просрочки.

А потом на столовую вдруг опустилась неестественная тишина.

Я успела перевести взгляд на ближайших ко мне адептов и поймать злорадные, полные весёлого презрения усмешки.

А следующий миг взорвался тупой болью в районе печени.

Моих реакций не хватило, чтобы закрыться рукой или магическим щитом. Я просто растерялась. Так, как ещё никогда. Судорожно вздохнула, когда очередной шар с краской попал по моему телу.

В груди сдавило, воздух не проникал в лёгкие. От обиды и унижения глаза увлажнились, но я заставила себя ответить на взгляды адептов холодной усмешкой.

И просто ждала, пока у них закончатся снаряды, бьющие по щиту, который я всё-таки поставила. Пусть с опозданием, но я оставила себе островок спокойствия в царившем вокруг хаосе. И только это заставляло держаться. Это и Никос.

Только мысль о брате помогала смотреть прямо перед собой и не думать о несмываемых разноцветных разводах, которыми покрылась форма. А ведь я так её берегла!

Все мои силы уходили на спокойствие, которое я показывала. И оно оказалось сильнее яркой, но быстрой вспышки ненависти среди адептов академии.

Шары с краской, усиленные заклинаниями, наконец, закончились.

Адепты отомстили за отчисление одной из них, своей королевы.

— Так тебе и надо, паршивая сиротка! — крикнул кто-то безликий.

И указал на что-то над моей головой.

Увы, мой щит закрывал только спереди. А огромный, раз в десять превышающий размеры остальных, шар завис над моей головой со всем понятной целью.

Я успела только задержать дыхание.

Студенты злорадно обрадовались.

А краска… целый чан, помещённый в эластичный шар, всё-таки растёкся.

По сфере, накрывшей меня словно зонт.

И в следующий миг взгляды всех в столовой приковались

к дверям.

— Обожаю, когда меня не слышат, — улыбнулся Савриу.

Температура в столовой сразу опустилась на десяток градусов, а магические светильники замигали и погасли.

Страшнее стало только то, что Савриу оказался не один. Рядом с ним стоял…

Святые!

Мигом забыв о краске, я склонилась перед его величеством Архиладом, стоящим рядом с Савриу. И перед ректором, который шёл сразу за ними в компании проректора.

А завершала процессию Марая Васи, с неизменно строгим взглядом очень красивых глаз.

— Ваше величество, — выдохнули адепты.

Задвигались скамьи, а спустя несколько мгновений адепты стояли навытяжку перед своим королём.

— Вы были правы, Савриу, — с укоризной покачал головой король. — Академия высшей знати уже не та. Ей нужна твёрдая рука.

Что-то хотел ответить ректор, но промолчал.

— Адептка?..

— Кацарос, — подсказал Савриу. — Лекари.

— Адептка Кацарос, мы вас не задерживаем, — величественно кивнул плотно сложенный король. — Приведите себя в порядок.

В порядок? А это возможно?

Но понятное дело задавать вопросов королю я не ста-

ла. Меня всё ещё потряхивало оттого, что только что произошло, и меньше всего хотелось любопытствовать, какими судьбами в академию занесло короля Иринира.

Присев в глубоком поклоне, я задержала дыхание, проходя мимо Савриу. Просто с другой стороны стоял король и не расталкивать же его и ректора локтями. Поэтому пришлось протиснуться между стеной и Савриу, вдохнув так, чтобы не коснуться даже его одежды.

Выпав с другой стороны процессии, глядя, как дрожат руки, я замерла. Показалось, что в момент, когда я проскальзывала мимо Савриу, он что-то сказал, но нет. Обернулась, чтобы убедиться — он и король молчали, и также молча прошли внутрь.

Зачем? Леший их знает.

Впрочем, вялое любопытство помогало мне не думать о собственном виде и проблемах.

Тряхнув головой, осознала, что так и стою посередине коридора, уже в одиночестве. В голове царила полнейшая пустота, поэтому взгляд зацепился за несколько листов, которые валялись тут же в коридоре.

С каких пор адепты разбрасываются газетами?

И да, я знала, что всего лишь пытаюсь отвлечься, но всё равно подошла и опустилась на колени. Собрала хрустящие листы, передёрнула плечами, когда ногти царапнули по камню пола. И посмотрела на заголовки.

Это оказалось моей второй ошибкой.

Каким-то отупевшим, пустым взглядом я рассматривала изображённую пару. В ней сильный, тренированный мужчина без рубашки прижимал к себе и целовал девушку с длинными распущенными волосами в форме академии. А за спиной мужчины раскинулись тёмные, драконьи крылья.

Обстановка вокруг пары не походила на роскошную гостиную дворца, да и не могла походить.

Потому что я точно знала, где они.

И я точно знала, кто это.

Потому что была той девушкой.

Впрочем, газеты тоже оказались в курсе.

“Спор проигран. Поздравляем инира с грядущей свадьбой”, — сообщал издевательский заголовок.

Этого хватило, чтобы не читать, что там будет дальше. Взгляд выхватил дату новости, и я криво улыбнулась.

Газета вышла вчера, значит, вот о какой новости говорил Савриу. И вот почему высокородные адепты решились на такое: наш поцелуй с Савриу оказался последней каплей, разлившей озеро ненависти к одной бедной сиротке.

Я аккуратно свернула газеты и положила на подоконник.

Хотя бы понятно, с чего вдруг меня так возненавидели все вокруг. Может, адепты толком и не учились, но хорошо замечали другое: то, что происходило за стенами аудиторий и значило гораздо важнее.

Отношения. Связи. Интриги.

Высокородные иниры и инэры с детства учились выявлять

потаённое вокруг себя и мгновенно поняли, что между нами с Савриу…

Святые! Не объяснять же теперь всем и каждому, что у него обострённое чувство справедливости и благородства. И только поэтому Савриу…

Вздохнув, выбросила всё это из головы. Какая разница. Всё равно мне надо лишь доучиться, а дальше они пойдут своей дорогой, а я своей.

А то, что слёзы текут по щекам, так это мелочи. Сейчас приду, проплачусь и снова стану равнодушной ко всему Алекой Кацарос.

Только дойду.

Жаль, первый судорожный всхлип вырвался гораздо раньше, чем я добралась до двери. А следом за ним пришли и другие.

Так что я бежала по коридору, задыхаясь и стремясь успеть спрятаться ото всех, чтобы выплакать сегодняшний день.

Одно хорошо — похоже, все адепты собрались в столовой, чтобы насладиться моим унижением, и до комнаты я добралась в рекордные сроки, не встретив никого на пути. Добралась, дёрнула дверь, прижав руку к груди, всхлипнула…

И наступила на конверт без подписи и опознавательных знаков, оказавшийся у меня под ногами. Он шоркнул по полу, привлекая внимание.

— Святые, — рассмеялась я сквозь слёзы. — Даже выпла-

каться не дадут.

Впрочем, почему бы не отвлечься от собственных переживаний. До этого письма мне приходили только от Элени с Ником, но их передавали через ворота из рук в руки, а не так, будто это тайное послание.

Ага, от поклонника.

У меня ведь таких поклонников теперь толпа.

Полувсхлип-полувздох вырвался из груди. Стерев слёзы со щёк тыльной стороной руки, подняла конверт с пола.

О том, чтобы проверить его на заклинания, подумала уже после того, как пальцы коснулись шероховатой, дорогой бумаги.

Да и леший с ними. Как будто я настолько важная персона, чтобы травить меня ядами и заклинаниями.

А столовая… то, что произошло там, не тянет на взрослую месть. Просто кучка зазнавшихся высокородных решила объявить войну одной маленькой мне. Не больше.

Ещё бы от этого становилось легче.

Новый вздох, но на этот раз без слёз, вырвался из груди. Сделав шаг назад, я осела на край кровати, опуская руки с письмом на колени.

Я точно хочу знать, что это?

А есть выбор?

Но я всё равно медлила. Недолго, пока не вспомнила, что в конверте может оказаться послание от Элени.

А вдруг у Никоса новый приступ? А если у них закончил-

ся жубан?

Вдруг им нечего есть?

Дальше инстинкты действовали вперёд мозга. Я сама не поняла, как распечатала и достала послание, которое состояло из нескольких коротких строчек.

И это была моя третья ошибка.

Глава 13

“Жалкая сиротка. Я уничтожу тебя и твоих близких. Кажется, ты давно не навещала больного братца…”

Паника ледяной волной сковала сердце.

Никос!

Только не он. Всё что угодно, только пусть с ним всё будет в порядке!

Смяв в руке послание, вскочила и приготовилась нестись к Элени… а потом вспомнила про форму.

Что было в тех шарах? Вряд ли легкоотмываемая краска на растительной основе. Да и её после полевых занятий приходилось долго тереть щёткой. А адепты, пусть и далёкие от академических знаний, но не в том, что касалось каверз и жестоких шуток.

Взявшись за ткань, хотела содрать с себя ненавистную форму, но помешал бумажный ком в руке. Отбросила его на кровать, снова взялась за форму.

Ахнула.

Нет, нельзя. А вдруг я смогу выяснить, кто оставляет мне такие послания? Хотя бы, чтобы знать врага в лицо.

Упёршись коленом в кровать, достала откатившееся послание, развернула.

Сердце тяжело бухало в груди, пальцы подрагивали.

Все инстинкты, пульсирующие в голове эмоции требова-

ли наплевать на всё и мчаться к Никосу, но усилием воли я заставила себя распрямить письмо.

Оглянулась, чувствуя, как странно расплылось зрение.

Не на столе же оставлять эти угрозы. Подумав, сложила лист в карман — аккуратно получилось только с третьего раза, — и положила в карман формы.

Взгляд зацепился за что-то странное, но сейчас не до этого. Никто не станет рыться в грязной, испачканной форме.

И только спустя пару минут я, наконец, взялась переодеваться.

Чтобы понять, что не так.

Форма!

Открыв рот, коснулась ткани, но ничего не изменилось.

Форма оказалась чистой!

Ни следа краски, ни пятнышка. Да даже следы починки исчезли, словно форма была только из лавки.

— Что такое? — выдохнула я.

Так и стоя в нижней сорочке, осмотрела ткань со всех сторон, смяла в руке и даже встряхнула, но ничего не изменилось.

И я позволила себе слабость. Осела на край кровати с формой в руке, бездумно глядя в стену напротив.

Савриу.

Другого варианта просто не существовало.

Это он, никто другой не догадался бы. И выходило, что мне не послышалось — он действительно произнёс какое-то

заклинание.

Или нет?

И ладно. Об этом я подумаю потом, а пока надо бежать к Элени. Мне не хотелось верить в угрозы, и не хотелось получать прогулы, но я не могла. Никос остался моим последним родным человеком, единственной семьёй, и я должна его видеть!

Тряхнув головой, отложила форму, переоделась в узкие брюки и рубашку, накинула на плечи мантию с глубоким капюшоном и тщательно закрыла дверь в свою комнату.

Жаль, не помнила, была ли она закрыта, когда я пришла. Не то состояние. Да и сейчас не лучше, поэтому обычную половину часа пути до Элени я сократила вдвое. И облегчённо выдохнула, когда дом оказался на месте.

Не знаю, чего ожидала. Пожара? Потопа? Магической бойни? После сегодняшнего я готова поверить во что угодно, но, к счастью, обшарпанная деревянная дверь оказалась на месте, а в окне второго этажа виднелось движение.

Обед. Элени наверняка кормит Никоса, а он наверняка снова отказывается, предпочитая книги.

С лёгкостью в душе и улыбкой на губах я достала ключ, поднесла к замку… но дверь открылась сама.

Застыв на мгновение, я пронеслась по лестнице, а потом и по всей квартире. Звала, переворачивала вещи, но никого не оказалось дома. Одеяло на постели Ника было откинуто, словно он вышел ненадолго. На магической плитке стоял

недоготовленный суп, а рядом на доске лежали нож и нарезанная морковь.

Квартира Элени выглядела так, словно её хозяева отлучились на минуту к соседям.

Вот только Никос не ходил. А Элени ни за что бы не бросила его одного.

— Нет. Нет, нет, нет!

Святые, спасите и сохраните! Пожалуйста, молю! Я сделаю всё, что угодно… я жизнью пожертвую, только пусть с ними всё будет хорошо!

Задыхаясь, я вылетела из квартиры, где всё так напоминало о двух самых дорогих мне людях.

Как оказалась в академии — не помню. Просто вдруг очнулась посреди знакомого коридора, чувствуя, как сердце и лёгкие разрывает болью.

Покачнулась.

И в этот миг привлекла внимание группы из трёх человек, стоящую дальше по коридору.

— А вот и адептка Кацарос! Одна из наших самых успешных лекарей, — услышала неестественный голос ректора. — Уверен, она поможет вам освоиться в академии. Кацарос, подойдите!

На негнущихся ногах подошла к группе, в которой оказался ректор, очень красивая инэра из благородных и… Савриу. Насмешливый, кривящий губы Савриу, к которому у меня были вопросы, но все вышли, стоило понять, что Никос с

Элени пропали.

— Рада знакомству.

Взгляд безразлично скользнул по умному взгляду тёплых карих глаз, блестящей копне волос и приятной улыбке. Казалось, эта девушка полная противоположность Барбе.

Но что ей надо?

Я вроде слышала слова ректора, но они проходили мимо сознания.

— А куратор Савриу поспособствует, чтобы вы нагнали программу как можно скорее. Правда, ведь? Раз вы уже знакомы.

Девушка смущённо улыбнулась и на мгновение опустила глаза в пол.

— Знакомы? — вырвалось у меня помимо воли.

Ректор откашлялся. А потом произнёс:

— Простите, я вас не представил. Знакомьтесь, инэра Кари Тракас, ваша новая одногруппница. И невеста инира Савриу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.